

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

МЕЖДУ СТРОК

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Полина Раевская

Полина Александровна Раевская

Между строк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68282569

SelfPub; 2022

Аннотация

Писать в армию незнакомому парню от лица его возлюбленной? Легко! Без памяти влюбиться в этого парня по переписке? Проще простого! Но что делать, когда он вернется из армии и узнает правду? Сможет ли он простить или его ненависть сожжет все дотла, прежде чем он поймет, что иногда любовь рождается задолго до встречи, где-то между строк, идущих от сердца.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	64
Глава 9	72
Глава 10	80
Глава 11	87
Глава 12	94
Глава 13	104
Глава 14	116
Глава 15	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Полина Раевская

Между строк

Посвящается моей неунывающей бабуле и юмористу-дедушке, чье знакомство по переписке и пронесенные через 40 лет брака любовь, дружба и юмор не уставали меня восхищать и вдохновлять. Я хочу верить, что они остались бы довольны тем, как я интерпретировала их историю. В любом случае, я рада, что написала ее.

Пролог

– Мне нужны мои письма, – цедит сквозь зубы, сверля её тяжелым, пронизывающим насквозь взглядом.

У Алёнки внутри всё сворачивается жгутом, дыхание перехватывает, и слова застывают на кончике языка.

Да и что сказать? Глазкова не знает, смотрит испуганно в любимые глаза и от растерянности даже дышать не может.

Шувалов же, недолго думая, отодвигает её в сторону и бесцеремонно проходит в квартиру. У Алёнки сердце обрывается от прикосновения его горячих ладоней к плечам. Пока она приходит в себя, он безошибочно определяет её комнату и, войдя, с ходу начинает переворачивать всё вверх дном. На пол летят тетради, учебники, серёжки, браслеты, помады, тени, кофты...

Глазкова смотрит на эту вакханалию и от шока не может с места сдвинуться. Однако, когда Боря открывает шкаф с её нижним бельем, внутри что-то щёлкает. Кровь вскипает от возмущения, смущения и еще тысячи диких эмоций.

– Шувалов, ты охренел? – вскричав, подбегает она к нему и, задыхаясь от стыда, выхватывает из его рук стопку трусиков, которые тут же разлетаются разноцветным конфетти по полу. – Ты совсем больной?! Что ты творишь? Это моё нижнее бельё, придурок!

– Да что ты?! А это моя жизнь! – отыскав заветную стопку писем, припечатывает Шувалов.

И Алёнке нечем крыть. Сравнение не в бровь, а в глаз. Вот только теперь это и её жизнь тоже, и Глазкова ни за что не позволит просто взять и забрать её. Поэтому преграждает Шувалову путь и, вырывав из его рук перевязанную пачку, прячет за спину.

Боря бледнеет от гнева и начинает медленно надвигаться на неё, отчего у Алёнки сердце ухает вниз.

– Сейчас придут мои родители, – предупреждает она дрожащим голосом, пятясь от него к стене.

– Мне плевать, кто там у тебя придёт. Живо отдала мне мои письма, иначе я за себя не ручаюсь! – рычит он, загоняя её в угол.

Алёнка упрямо качает головой, хоть и понимает, что это бесполезно. Ей не справиться с этой горой мышц и тоннами звериной злобы, но она всё равно готова насмерть отстаивать то небольшое, что осталось от её самых счастливых дней.

Глава 1

Май. Середина 90-х

– Поросенок эдакий! Все собрались, столько всего пригостила, а он шляется где-то. Ну, я ему устрою, пусть появится! – взрывается Шувалова Любовь Геннадьевна, с демонстративным стуком отставляя от себя опустевшую рюмку.

– Любаня, не горячись! – скомандовав, наполняет глава семьи бокалы гостей для очередного захода.

– Толя! Частишь, – цыкает она, грозно взглянув на бутылку в руках мужа, но он делает вид, что не слышит и спешит включиться в разговор сидящих напротив родственников. В другое время Любовь Геннадьевна бы хорошенько пропесочила Анатолия Николаевича, чтоб не наглел, но в этот вечер все ее мысли исключительно о «поросенке эдаком» – то бишь единственном и любимом сыне.

– Вот где он есть? – продолжает она возмущаться. – И крестничек туда же... Ой, как бы не натворили чего!

– Любка, прекращай! Придут, куда денутся?! – обрывает ее причитания лучшая подруга и по совместительству мать крестничка – Гладышева Вера Эдуардовна.

– Ну, правда, Любань, извелась уж вся, – поддакивает Анатолий Николаевич, о чем тут же жалеет.

– Да что ты говоришь?! – заводится на полную катушку жена. – Я – мать! Как мне не известись-то? Два года ребенок неизвестно, как и с кем там будет. Еще, не дай бог, под дедовщину попадет!

Грозное слово прогремело над праздничным столом, словно выстрел, привлекая внимание гостей к разговору хозяев дома. Естественно, никто не смог пропустить такую тему. Будто охотничьи собаки, гости с небывалым энтузиазмом набрасываются на подстреленную дичь. Галдешь поднимается, как на базаре в выходной день.

Казалось, каждый считает своим чуть ли не долгом высказаться по поводу армейской дедовщины и непременно пересказать одну из тех ужасных историй, случившуюся где-то с каким-то братом знакомого чьего-то знакомого. Через полчаса подобных рассказов Любовь Геннадьевна, хватаясь за сердце, костерит мужа на чем свет за то, что отговорил ее последовать примеру кумы и отмазать сына от армии.

– Еще чего! – грозно бахает по столу уже изрядно подвыпивший Анатолий Николаевич. – Чтоб мой сын за мамкиной юбкой прятался?

– Толя, это ты на что сейчас, дорогой, намекаешь? – взвизывает кума, раздраженно смахнув со лба пшеничный локон, выбившийся из пышной укладки.

– Правда, ты че несешь-то, совсем уже что ли? – набрасывается следом Любовь Геннадьевна.

– Да ни на что я не намекаю! – возмущенно открещивает-

ся Анатолий Николаевич. – Намеки еще какие-то выдумали. Я если говорю что-то, так прямо, без ужимок!

– Ну, так говори, – продолжает напирать кума.

– Да угомонись ты, Верка, с чего бы я на Олежку бочку гнал? Хоть бы постыдилась! – не выдержав, гневно парирует мужчина.

– Ладно, разбушевался тоже, – немного смутившись, примирительно произносит она. – Просто ты так сказал...

– Ну, ляпнул с дуру, что теперь? – перебивает он ее.

– А у тебя вечно – с дуру ляпаешь, а потом люди не знают, что думать, – ворчит Любовь Геннадьевна.

– Да ну вас, на хер! – отмахивается Анатолий Николаевич и наполняет бокалы коньяком. – Давайте, лучше выпьем.

– Вот! У тебя одна только забота, а что там с сыном будет – до фонаря, – резюмирует Шувалова и с тяжелом вздохом делает глоток коньяка. Муж и подруга заговорчески переглянувшись, едва сдерживают улыбки.

– Мне, как раз-таки, не до фонаря, – поморщившись, закусывает Анатолий Николаевич коньяк лимоном. – Сейчас в стране бардачище: ни работы, ни денег, так что пусть лучше в армию идет. Всё хоть при деле будет, а то либо сопьется, либо залезет куда-нибудь не туда.

– Он что, по-твоему, совсем дурак? – возмущенно отзывается Любовь Геннадьевна, попутно отвечая кивком на чей-то вопрос с другого конца стола.

– Не дурак, но дурень еще тот, – заключает супруг, вызы-

вая у жены приступ праведного негодования. Что это еще за сомнительный эвфемизм в адрес ненаглядного ребенка?

– Хорошего же ты мнения о сыне, – хмыкает меж тем Вера Эдуардовна, смакуя канapé с оливками и сыром.

– Да все дурни в восемнадцать лет. Наш вон, лучше что ли? – присоединяется к беседе муж Веры Эдуардовны – Александр Степанович.

– Да это понятно, Санёк, все чуют. Разница в том, что ваш – хитрожопый засранец, котелок у него варит дай бог. А наш – простой, как сибирский валенок, поэтому пусть служит. Там дисциплина, порядок и харчи дармовый. Два года пролетят, не заметит, зато повзрослеет чуток, перебесится, мозги на место встанут, – подытоживает Анатолий Николаевич.

– О, как! Поняла, кума, у него, оказывается, все просчитано, – усмехается Любовь Геннадьевна, ткнув подругу под бочок.

– Не говори, – смеется Вера Эдуардовна. – Я в шоке, Люба, сын-то у меня хитрожопый засранец.

– А что? Не так что ли? – уточняет Александр Степанович. – Он у тебя без мыла везде пролезет.

– Что значит «у тебя»? – возмущенно взлетает бровь Веры Эдуардовны.

– Ну, так твоя порода, – хмыкает ее супруг.

И словно в подтверждение его слов дверь открывается, и на пороге появляется высокий, светловолосый парень с бе-

лозубой улыбкой матери и глазами такого же удивительно-го лазурного цвета, что не оставляет сомнений, чей это отпрыск.

– О, явился красавЕц наш! – воскликнув, расплывается Любовь Геннадьевна в довольной улыбке при виде крестника.

КрасавЕц меж тем, быстро оглянувшись, оценивает обстановку и махает кому-то за спиной, указывая на свободные места за столом. В гостиную входят вызывающе – одетая девица и два парня.

Тощий шатен со взъерошенными волосами, не успев сесть за стол, тут же наваливает себе полную тарелку салата и принимается энергично жевать, не обращая ни на кого внимания, брюнет же напротив – медлительный, даже заторможенный. Кое-как усевшись, он откидывается на спинку стула и, закрыв глаза, будто отключается. Размалеванная девица начинает суетиться вокруг него, что-то говоря, но он, даже не шелохнувшись, продолжает сидеть, приоткрыв рот.

От созерцания столь странной картины у хозяев дома и их друзей вытягиваются лица.

– А это что за... чудики с ним? – озвучивает Александр Степанович общую мысль, переведя на жену недоуменный взгляд.

– Что ты сразу с меня спрашиваешь? – в который раз отвечает она ему возмущенно.

– Ну, ты же все шушукаешься с сынком да покрываешь

его делишки, – язвительно парирует он, на что Вера Эдуардовна фыркает и, закатив глаза, раздраженно отмахивается.

– Оголодавший – это Мишка Антропов, – поясняет Любовь Геннадьевна, приглядевшись к парнишке, сметающему содержимое тарелки с такой скоростью, словно за ним с собаками гонятся.

– А чей он? Первый раз его вижу, – хмурится Вера Эдуардовна, привыкшая быть в курсе всех событий.

– Интернатовский, наши в футбол играют у них на коробке.

– А-а, вон оно что, – тянет Гладышева и, поймав взгляд сына, манит его пальчиком. Он же, почувствовав, что запахло жареным, тут же врубает обаяние на полную мощность, одаривая женщин сногшибательной улыбкой.

– Ну, здравствуй, крестничек. Где же тебя носит? – сердечно расцеловав его, укоризненно качает головой Шувалова.

– Сынок, почему так долго? – вторит ей Вера Эдуардовна, приобняв сына. Он же, быстро клюнув ее в щеку, спешит поздороваться с отцом и крестным, делая вид, что не слышит женских причитаний. Но мать и крестная не собираются так просто сдаваться, и как только с приветствиями покончено, начинают допрос по всей форме.

– А где дружок твой? – сразу же спрашивает Любовь Геннадьевна.

– Придет скоро, – неопределенно отмахивается Олег и с

преувеличенным интересом оглядывает стол в поисках, чего бы съесть.

– Откуда он придет? – продолжает наседать Шувалова, неудовлетворенная таким ответом.

– С пацанами вроде с борьбы должен был встретиться, – не глядя, рапортует крестник и, определившись с блюдом, протягивает сидящей неподалеку сестре тарелку, указывая, что ему положить.

– С ними он вчера встречался, – уличает Любовь Геннадьевна, прекрасно зная, что крестник придумает, что угодно, лишь бы выгородить друга. – А сегодня он где есть? Опять у этой... шалогушки?

– Люба, чего ты привязалась к пацану?! Сказал, придет скоро твой оболтус – значит придет. Дай парню спокойно поесть, – вклинивается Анатолий Николаевич и, подмигнув крестнику, наполняет рюмки.

– Ну, ты еще давай, выгораживай своего неблагодарного сынка.

– Вот заладила- то! Пусть погуляет пацан, два года – это тебе не шутки, – качает головой Шувалов и протягивает же-не рюмку. – На, пригуби лучше пару грамм, может, отпустит.

– Ага, а мне потом его «гулянья» нянчить, – бурчит Любовь Геннадьевна, вызывая у крестника усмешку.

– А ты чего ухмыляешься? – поддевает его мать.

– А я что? – пожимает он плечами. – Я вообще не при делах: ничего не знаю, ни с кем не гуляю, идеальный сын.

– Ну-ну, – иронизирует Александр Степанович и, помедлив, интересуется. – Ты лучше расскажи, что это за товарищи с тобой.

– Вот, кстати, да, – поддерживает Вера Эдуардовна мужа. – Что это за шобла – ёбла?

– Мама, как не красиво, – насмешливо цокает Олег.

– Ну, извините, а как это еще назвать? – фыркает Гладышева, кивнув в сторону завалившегося на бок брюнета с открытым ртом. – Что с ним? Он пьяный что ли?

– Не, он зависает, мам.

– В смысле? Где «зависает»?

– В антигравитационном пространстве.

– Чего?

– Ну, он этот... – с несвойственной ему нерешительностью мнетса Олег.

– Кто? – насторожившись, подается Вера Эдуардовна ближе к сыну.

– Космонавт, – шепчет он со всей серьезностью и торжественностью, вызывая у матери шок и недоумение, а у отца, наблюдающего за этим цирком, смех.

– Ах, ты ж паразит! Издевается над матерью! – сообразив, что к чему, отвечает Вера Эдуардовна хохочущему шутнику легкий подзатыльник.

– Ну, ладно, мам, не злись, шучу, – увернувшись от материнской руки, примирительно произносит Олег.

– Я не злюсь, я беспокоюсь. Ты поди тоже... «космонав-

тишь» с ним за компанию?

– Увы, мамуль, космонавт из меня никакой, вестибулярный аппарат слабоват, – подмигнув, поднимается парень из-за стола, давая понять, что допрос окончен.

– Олег, мне совершенно не нравится это окружение, – строго сообщает Вера Эдуардовна.

– Мне тоже, мамуль, но что поделать? – притворно вздыхает сын и направляется к размалеванной девице. Вера Эдуардовна же, качая головой, переводит беспомощный взгляд на мужа.

– И как это понимать?

– Как «иди-ка ты на хер, мамуля», – с усмешкой поясняет Александр Степанович. Но Веру Эдуардовну уже занимает другое. Прищурившись, она с неодобрением наблюдает, как сын, приобняв девицу, что-то шепчет ей на ухо, отчего размалеванная начинает глупо хихикать.

– Верка, а это Олежкина подружка что ли? – изумленно шепчет Шувалова, словно прочитав мысли подруги.

– Не знаю, Люб, – тяжело вздохнув, отвечает Вера Эдуардовна, продолжая сверлить сына недовольным взглядом. – Он в этом плане скрытный. Спрошу: «есть кто?», а то весь в засосах ходит – смотреть страшно. Ну, а он мне: «мама, как женится буду, так и познакомлю».

– Так он может, и надумал, женится-то, – подливает масла в огонь Любовь Геннадьевна.

– Сплюнь! – хватается за сердце Вера Эдуардовна. – Еще

чего мне не хватало.

– Ну, будет он тебя спрашивать. Наш вон, появился же недавно. «Женюсь!» – говорит.

– В смысле?

– А я что, тебе не рассказывала разве? – ахнув, удивляется Любовь Геннадьевна самой себе, и вздохнув тяжело, качается головой. – Совсем закрутилась с этими проводами. Ой, Вера, это кошмар...

Глава 2

– Как тебе, Юсик? Нравится? – весело спрашивает белокурая девушка, крутанувшись вокруг своей оси для большего эффекта, отчего подол ее новенького платьяца легкомысленно взлетает, открывая чарующий вид на упругую попку, упакованную в красные, кружевные трусики. Вот только сидящего напротив «Юсика» все это отнюдь не впечатляет.

Боря смотрит на кучу ширпотреба всех цветов и фасонов и внутренне закипает. Машка же, не замечая, что еще секунда и Шувалов взорвется, продолжает с энтузиазмом, словно издеваясь, щеголять в дешевом платье из полиэстера и босоножках из кожзама, доводя Борьку до состояния бешенства.

– Ну, что ты молчишь? – нетерпеливо восклицает она и тут же осекается, обратив, наконец, внимание на Шуваловское выражение лица, не предвещающее ничего хорошего.

– Маш, ты вообще каким местом думаешь? – вкрадчиво интересуется Боря, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не выдать крутящуюся на языке вполне себе конкретную, а главное – цветастую характеристику возлюбленной.

У него в голове не укладывается весь этот дебилизм.

Манька, как и всякая девушка, выдавала, порой, забавные глупости, но дурой отнюдь не была. По крайней мере, Боря так считал до сего момента. Теперь же столь бестолковое мо-

товство убеждает его в обратном, как и то, что Скопичевской не хватило смекалки просто не рассказывать о своих тратах. Боря, конечно, любил в ней эту бесхитростность и непосредственность, но не когда она граничила с тупостью. А кроме, как тупостью он происходящее назвать не мог. Дуре жрать зачастую нечего, а она вместо того, чтобы отложить деньги, зная, что следующие два года придется не сладко, пустила их по ветру. И ладно бы доброе что-то купила, какую-нибудь пусть одну, но хорошую вещь, но нет, Машка предпочитала хоть говна, лишь бы полон рот.

Борю такая идеология доводила до бешенства, учитывая, что реализовывалась она за его счет, поэтому, не взирая на то, что говорить о подобных вещах Шувалову не позволяла гордость, промолчать тоже, как ни старается, не может. Особенно после того, как Маша, закатив глаза, недовольно заявляет:

– О, господи, начинается! Почему ты не можешь просто порадоваться вместе со мной?

– Порадоваться? – изумленно хохотнув, уточняет Боря. – Интересно, и чему я должен радоваться? Тому, что отпахал два лета на стройке, чтобы ты накупила себе всякого дерьма? Ты вообще в курсе, что такое работа подсобником?

– Ну, давай, просвети меня, чтобы я в полной мере ощутила себя сукой, – огрызается Машка и раздраженно сбрасывает туфли.

– Ты не сука, Маш, ты – просто дура, – выплевывает Шу-

валов и поднимается, чтобы уйти.

Говорить лишнее Боре не хочется, а он непременно скажет, если еще на минуту задержится.

Внутри кипит, наизнанку всего выворачивает и не столько даже от злости, сколько от понимания, что Маньке абсолютно пофиг, что он в жару и комарье копал траншеи под фундамент, таскал газоблок да десятилитровые ведра с раствором.

Нет, жалиться и бить себя в грудь Шувалов не собирался, но все же ждал, что любимая девушка хоть немного да будет ценить его труд, тем более, что он не ради себя горбатился. Но Скопичевской все это до фонаря, по-настоящему ее интересует одно – отстоять собственную правоту, а какой ценой значение не имеет, поэтому ее несет.

– А ты такой же, как и все эти неудачники! Дал несчастные три копейки и теперь качаешь тут права.

– Несчастные три копейки? – взвизывает Боря и, нависнув над Машкой, угрожающе цедит. – Ты охренела что ли?

– Нет, я не охренела, я говорю, как есть, – вызывающе бросает она, хотя видно, что храбрится: глазенки трусливо бегают, а пухлые губы подрагивают, выдавая волнение.

– Что же ты не говорила свое «как есть», когда брала эти «несчастные три копейки»? Помнится, аж пританцовывала от радости, – едко замечает Шувалов, окатив Скопичевскую презрительным взглядом, отчего она бледнеет.

– Да лучше бы не брала. Больше проблем, чем выхлопа, –

хлещет она с размаху по Борькиному самолюбию.

И Шувалов не находит, что ответить. Точнее, наговорить – то он много, чего может, вот только смысла в этом никакого не видит.

Словесная диарея Борьке претила. Проще было отвесить хорошую оплеуху, но поднимать руку на женщину Шувалов считал не достойным мужика. Поэтому, сдерживая изо всех сил вспыхнувший гнев, лишь усмехается и, взглянув на Машку в последний раз, запоминая ее нежные черты, быстрым шагом направляется к двери.

Кровь кипит от ярости, в душе ураган злости и горечи, и в тоже время Борьку на части рвет от мысли, что сейчас он уйдет, и они с Машкой расстанутся на целых два года, если не на всю жизнь. А он эту свою жизнь без Скопичевской плохо представлял. Да и как представить, если все мысли Машкой начинались и ей же заканчивались?! Бредил он ей – заразой, болел в неизлечимой форме, а потому каждый шаг сейчас отзывается дикой агонией. Внутри скручивает жгутом протеста, превращая все чувства в разъедающее нутро месиво.

Остановиться бы, махнуть рукой на все эти глупости и вернуться к ней – своей принцессе, но Борька не может себя пересилить. Не получается, сколько ни напоминает себе, что время тикает, и завтра уже ничего изменить будет нельзя. А все потому, что «глупости» далеко не глупости, и не в принципах да гордости дело, вот только в чем конкретно обдумать не получается.

– Боря, – раздается позади дрожащий голосок, а у Шувалова чувство, будто под дых дали. Воздуха резко становится мало, в груди печет раскаленным огнём. Борька замирает, не в силах сделать больше ни шагу, причем ни вперед, ни назад, противоречия рвут на части: и злость, и обида, и понимание, что сейчас не время выяснять отношения. Но стоит только обернуться, как все это отходит на второй план, весь мир исчезает, кроме его девочки, бегущей босиком через всю улицу к нему навстречу.

Она похожа на Дюймовочку с развивающимися на ветру золотистыми волосами: такая же тоненькая, хрупкая, с огромными голубыми глазами, полными страха и слез. И эти слезы наизнанку Борьку выворачивают, смывают всякое сомнение и дурные мысли.

Ну, подумаешь, сглупила Машка, ошалела от денег, всю жизнь ведь в нищете прозябает, и как бы теперь не хорохорилась, а его «несчастные три копейки» для нее сумма немаленькая, вот и понеслась душа в рай. А наговорила всякого... так на эмоциях с кем не бывает?

Он же – придурок, накрутил у себя в голове черте что, с ничего концерт устроил. И ведь уперся бы баран упрямый, если бы она не бросилась следом. А она такая его Машенька: искренняя, ранимая, чуточку неуверенная в себе и любящая.

У Шувалова не остается в этом сомнений, когда она подходит к нему и, замерев в нерешительности, вглядывается в его лицо виноватым взглядом, не обращая внимания на бе-

гущие по щекам слезы.

– Борь, прости меня, пожалуйста! Я не знаю, что на меня нашло. Ты прав, я – дура, – всхлипывая, начинает она тихо говорить, переворачивая у Борьки все внутри. – Это такая глупость, ты столько работал, а я... Я всё продам, первокурсницы приедут, и я...

– Ш-ш, – прерывает ее Шувалов, притягивая к себе, но Маша начинает плакать еще сильнее, отчего ее худенькие плечики содрогаются с такой силой, что вибрация отдается у Борьки во всем теле.

Ну, как вот на нее – дуреху злиться? Не может Шувалов, хоть и понимает, что имеет на это полное право. Но такие права ему на фиг не нужны. Ему его Манюня нужна улыбающаяся, счастливая и, если для этого необходим вагон шмотья, то черт с ними – с тряпками и заработанными кровью, и потом деньгами. Заработает еще! Из шкуры выпрыгнет, в долги залезет, но без средств его девочка не останется.

– Ну, всё, не реви, я придумаю что-нибудь. Нормально всё будет, – обещает он, целуя ее в макушку. Маша, всхлипнув в последний раз, поднимает заплаканное лицо, и Шувалов замирает, залюбовавшись.

Скопичевская не в пример многим девчонкам плакала красиво, превращаясь в трогательного ангела, а не в заплывшее, красноносое чудище.

– Борь, неужели ты вот так просто бы ушел? – с упреком и непониманием шепчет она, а глаза вновь наполняются сле-

зами.

– Ну, куда я от тебя уйду, Манюнь? – ласково улыбнувшись, заключает Шувалов ее хорошенькое личико в ладони и начинает покрывать короткими поцелуями, собирая губами слезы.

– В армию, на два года вообще-то! – едко замечает она, зная, что, если бы не остановила, ушел бы.

Шувалову возразить нечего, да и надоело разговоры вести, поэтому, прежде чем Машка начинает свою извечную песню «ты меня не любишь», закрывает ей рот поцелуем и сразу, без прелюдий проталкивает язык, чтобы ощутить вкус своей малышки.

Солёная она у него, но Борьке нравится. Целует ее жадно, торопливо. Времени-то в обрез, а хочется все успеть, хоть и знает, что ни черта не успеется, а если и успеется, все равно мало будет. Шувалов прожорливый, ненасытный, ему всегда мало, поэтому, не теряя больше ни секунды, подхватывает Скопичевскую и несет к ней домой, попутно шаря по худенькому телу, дивясь самому себе.

И на что только встает? Ни сисек, ни жопы. А отменные попки Боря очень уважал, за них мог и отсутствие сисек простить, и даже не самую симпатичную мордашку. В любимой позе ни то, ни другое особой роли не играло, а вот задницу не подрисуешь, как ни крути. Но Машке он «прощал» абсолютно все, потому как... Ну, зла любовь, что тут еще скажешь?

Эти мысли веселят Шувалова, как и прохожие, погляды-

вающие на них с неодобрением и беспокойством. Наверное, он бы тоже не знал, что думать, увидев накаченного, стриженного под ноль лося, тащащего на руках заплаканную, босячую девчонку, тянущую от силы лет на шестнадцать. Но сейчас Боре на все пофиг, он горит лишь одним желанием – добраться поскорее до Машкиной квартиры и отлюбить свою девочку до потери сознания, чтоб на все два года хватило.

– Борь, скоро мама придет, – задыхаясь, шепчет Машка между поцелуями, когда они заходят в подъезд.

– Мы потихонечку, – отвечает Боря на автомате, скользя губами по ее шее. Маша, прикрыв глаза от удовольствия, откидывает голову назад и усмехается, зная, как у них будет «потихонечку».

Хорошо, что мама у нее понимающая, когда дело касается Шувалова, слабость прямо у мамы на эту фамилию...

Вот только планы едва не рушатся, когда они подходят, точнее – врезаются в дверь квартиры.

Глава 3

– Ключи давай, – выдыхает рвано Шувалов, прижимая Машку спиной к стене.

– Ой, – выныривает Скопичевская из чувственного дурмана, вспомнив, что выбежала без ключей. – Дверь, видимо, от ветра захлопнулась.

– Ма-ша, – чуть ли не рычит Боря, втягивая с шумом воздух. Оно и понятно, Шуваловское «нетерпение» так и упирается в Машкино бедро. Ей и самой не сладко, от желания так ломает, что Скопичевская почти готова заняться сексом в подъезде. Боре, будто читая ее мысли, недолго думая, широкими шагами преодолевает этаж, отделяющий их от чердака.

– Шувалов, я не буду трахаться на чердаке! – предупреждает Скопичевская.

– Я тоже, – невозмутимо отзывается Боря и, спустив Машку на пол, с пинка вышибает хиленький замок.

– А что ты тогда будешь? – скептически уточняет она и, скривившись, оглядывает заросшее паутиной пространство.

– Любить тебя буду, Манюнь, – насмешливо сообщает Шувалов и, снова подхватив ее на руки, заносит на чердак.

– Боря, ты с ума сошел, я не буду в этой бомжарне! – визжит Машка, пытаясь вырваться, но куда ей против такой гру-

ды мышц.

– А ты представь, что мы с тобой бомжи, – веселится Шувалов и, захлопнув дверь, прижимает к ней Машку и начинает целовать ее шею.

– А может, тебе представить, что мы уже потрахались? – выдыхает Скопичевская со стоном, когда Боря спускает лиф ее платья и обхватывает сосок губами.

– М-м, – качает Шувалов головой. – У меня фантазия слабая.

– Борь, ну я не хочу, – предпринимает Маша еще одну слабую попытку, которая тут же признана неубедительной, стоит Шувалову сдвинуть ее влажные трусики и коснуться ее между ног.

Скопичевская, закрыв глаза, стонет от прошившего удовольствия, у Бори же от ее стога окончательно сносит крышу.

Не церемонясь и не нежничая, разворачивает Машку к себе спиной и, задрав платье, заставляет прогнуться.

– Боря, это самое что ни на есть «трахаться», а не «любить», – замечает Скопичевская, пока он спускает штаны.

– Ну, так любя же, – насмешливо выдыхает Шувалов ей на ушко, медленно входя в нее и, закрыв ей рот поцелуем, начинает двигаться, сводя на «нет» все возражения.

Через полчаса никого уже не смущает «бомжарня». Вспотевшие, растрепанные и обессиленные они сидят на грязном полу и, обнявшись, смотрят сквозь заросли паутины на ку-

сочек заката в мутном окне, думая, где взять сил, чтобы вынести два года разлуки.

– Юсь, как я без тебя буду? – шепчет Машка с тяжелым вздохом, рисуя на Борькиной ладони какие-то каракули. Шувалов тяжело сглатывает, ибо тот же самый вопрос занимает и его, но вслух ничего не выражающим голосом произносит:

– Всё нормально будет. Если что, Гладышев поможет.

– Ага, Гладышев, – закатив глаза, бормочет Машка.

Этого высокомерного индюка она на дух не выносила и вообще не понимала, как Боря может общаться с таким придурком, но свое мнение благоразумно держала при себе, ибо Шувалов сразу дал понять, что Гладышев входит в священный список людей, которых ни при каких обстоятельствах нельзя критиковать и порочить, если, конечно, не хочешь огрести. Огретая Манька не хотела, тем более, из-за такой ядовитой сволочи, как Гладышев, поэтому тихо ненавидела, мечтая, чтобы он свалил уже куда-нибудь подальше. Их городок слишком тесен для такого раздутого самомнения.

– Манюнь, ну, ты чего? – ласково журит ее Боря, услышав всхлип.

Машку опять накрывает, стоит только представить, что скоро она останется одна. Шувалов приподнимает ее личико и, поцеловав, крепко сжимает в объятиях, вдыхая аромат ее волос.

– Не плачь, Машуль, всего-то два года. Пролетят, не заметим, а когда вернусь, сразу заявление в ЗАГС подадим, я

к бате в ЖЭК пойду, нам тогда хату дадут, а потом, может, и на заочку куда поступлю. Всё хорошо будет, – заверяет ее Борька, вот только на Скопичевскую перспективы утонуть в мещанском болоте наводят тоску.

Ей хотелось всего и сразу, тем более, что ситуация в стране позволяла богатеть в одночасье, стоило лишь рискнуть. Конечно, вслух она этого говорить не видит смысла. Всё равно еще два года впереди.

– Юсь, пообещай, что будешь писать мне каждую неделю и подробно, а не три строчки, как Анькин Витя, – просит она спустя некоторое время.

– Да о чем там писать-то, Манюнь, если каждый день одно и то же?

– Ну, ты придумай, – подмигнув, провокационно парирует она.

– Что-нибудь в духе твоих романчиков про тупые копья, влажные гроты и напряженные сосцы? – насмешливо уточняет он и тут же заходиться смехом, вспомнив, как застал Машку за чтением этого бреда, и потом весь вечер декларировал отрывки, отчего Скопичевская едва не сгорела со стыда.

– Дурак, – смутившись, смеется она и толкает его в плечо. – Возьми, да и придумай своё.

– Не, мне такие сравнения ни за что не переплунуть.

– Ты не зарекайся. Кто знает, на что тебя воздержание вдохновит.

– А-а, это поэтому этих авторш так прет или они че – то особое курят?

– Ну, вот и выяснишь.

– Да мне как-то пофиг, тебе же читать.

– О, я уже мечтаю...

– Ну, пока-то чего об этом мечтать? Иди, – хлопает он себя по бедру и, ухмыльнувшись, выдает, – копье готово к пещерным приключениям.

– Шувалов, придурок, блин! – возмущенно хохочет Скопичевская.

– Иди, иди, папочка соскучился по сосцам, – тянет он ее на себя, и Машке ничего не остается, как оседлать любимого, и закрыть ему рот поцелуем, чтобы не нес всякую ерунду.

Когда «пещерные приключения» заканчиваются, Машка выглядит едва живой и засыпает на ходу, что Борьку радует. За свою недолгую сексуальную жизнь он сделал вывод, что, если девочка после секса бодрa и весела – значит смело можно ставить себе «неуд», ибо хорошо отлюбленная способна только нечленораздельно бормотать, что его Машка и делает.

– Манюнь, не спи. Пойдем, твоя мама, наверное, уже пришла, – с улыбкой шелестит Шувалов, скользя губами по ее шее.

– М-м, не хочу, – капризно отзывается Маша и продолжает тихонько сопеть у него на плече.

– Надо, малышка, уже поздно, меня гости ждут, – тяжело

вздыхнув, напоминает Боря. Маша нехотя отстраняется.

– Может, не пойдешь? – предлагает она без особой надежды, но все же с мыслью – чем черт не шутит.

– Ага, меня мать на британский флаг порвет.

– А ты в армию сбежишь, уж за два года-то она перебежится.

– Ты, видимо, плохо знаешь мою мамку, – хмыкает Боря, Машка же кривиться.

– Да уж знаю... Мою до сих пор ни в одну нормальную школу не берут.

– Вот только ты не начинай! – отрешивается Боря, ибо сыт по горло родительской драмой, а учитывая, что дома наверняка ждет очередная головомойка на эту тему, так вообще – свят, свят, свят. Но в следующее мгновение Шувалов понимает, что лучше пусть Машка продолжает мусолить их родителей, чем несет какой-то фееричный бред.

– Борь, может, все-таки останешься? Тебе что, важнее какие-то родственники, чем я?

– Маш, чушь не неси! – отрезает Шувалов. Отвечать что-то еще на столь глупую претензию ему просто лень. Если человек не понимает элементарных вещей, то хоть объясняй, хоть голову расшиби, всё равно не поймет. У Бори же было строгое правило – любовь любовью, а долг семье отдать обязан, поэтому его раздражали Машкины ультиматумы в духе «либо я, либо твоя семья». Что вообще за глупость?

К счастью, продолжения не следует. Маша, конечно, па-

ру минут играет в обиженку, но как только они оказываются возле двери ее квартиры, и приходит время прощаться, бросается Шувалову на шею, выкинув из головы всякую ерунду.

– Юсечка, – только и хватает ей сил выдохнуть прежде, чем она опять заходиться в слезах.

Шувалов и сам держится из последних сил. Сжимает ее в объятиях крепко, вдыхает аромат ее духов и не может надышаться. Внутри свербит, печет раскаленным железом. Борьке кажется, будто он с мясом от себя свою Машку отрывает. От бессилия хочется на стену лезть, заорать дурниной, чтобы уши заложило, но вместо этого сжимает покрепче челюсти, преодолевая внутренний протест, и отстраняется.

– Не плачь, Манюнь, а то я не выдержу и не поеду никуда.

– Ага, и посадят тебя за дезертирство лет на пять – хорошие перспективы.

– Пусть сначала поймают, – ухмыляется Борька. Маша хмыкает и, пристав на носочки, легонько касается Шуваловских губ.

– Я уже скучаю, – шепчет она.

– Айда со мной, – предлагает Боря, зная, впрочем, что дурацкая это идея.

– Хочешь, чтобы твоя мама порвала на британский флаг меня?

– Ну, ты уж прям чудовище из нее сделала.

– Она и без моей помощи справляется, – морщится Машка. Вся эта ситуация с родителями ужасно напрягает.

– Ее понять можно, – вступается Боря за мать, и Скопичевская не находит, что возразить.

Несколько минут они стоят, обнявшись, вновь погрузившись каждый в свои мысли, пока Боря в очередной раз с сожалением отстраняется, ибо тянуть – уже просто свинство по отношению к матери.

– Ты придешь завтра на вокзал? – уточняет он, чтобы хоть как-то заполнить тягостное молчание.

– Конечно.

– Тогда я не прощаюсь, – улыбается Шувалов натянуто и начинает потихонечку спускаться, до последнего, не отпуская Машкиной руки.

– Люблю тебя, – шепчет она и, улыбнувшись сквозь слезы, напоминает. – Буду ждать твоих сочинений.

– Не переживай, будет тебе секс по переписке, – подмигнув, заверяет Боря и, дойдя до следующего пролета, тихо произносит. – Ну, давай, заходи в квартиру.

Маша несколько секунд смотрит на него, не мигая, запоминая любимые черты, а потом, сглотнув тяжело, скрывается за дверью.

Как только щелкает замок, у Шувалова внутри поселяется какая-то пустота. Он и представить не мог, что будет так тяжело, а ведь это только начало. О том, что будет дальше, он даже думать не хочет, поэтому, чтобы не растравливать душу, окидывает взглядом Машкину дверь напоследок и спешит домой, надеясь, что в праздничной суете удастся

отвлечься от тяжелых мыслей. И не ошибается.

Глава 4

Придя домой, Боря обнаруживает, что торжество в самом разгаре. Многие уже изрядно навеселе в том числе и родители. Как только он входит в гостиную, Любовь Геннадьевна, не церемонясь, язвительно тянет, привлекая внимание гостей:

– О, какие люди нас почтили своим вниманием! Проходите, Борис Анатольевич, мы тут, как раз, вас в армию провожаем.

Боря отводит взгляд, не выдержав ее осуждения и обиды. Перед матерью жуть, как неудобно. Поэтому, когда со всех сторон начинают прилетать приветствия и вопросы, Шувалов выдыхает с облегчением, вот только недолго длится его счастье.

Любовь Геннадьевна не собирается спускаться на тормозах. Поднявшись, она нетвердой походкой направляется на кухню, сказав сыну, следовать за ней. Боря мысленно стонет и под сочувствующими взглядами отца, и Гладышева спешит за матерью, зная, что лучше не обострять ситуацию и быть послушным мальчиком.

– Ну, и где ты был? – обрушивается мать на него, как только они остаются наедине.

– Где был, там уже нет, – устало отзывается Борька и мягко

просит. – Мам, давай, не будем ругаться.

– А как мне не ругаться, сынок? Ты надо мной просто издеваешься!

– Мам, ну, причем здесь ты?!

– А кто причем? – повышает Любовь Геннадьевна голос, заставляя Борьку поморщиться. – Я столько слез из-за этой твари пролила, столько пережила, а теперь ты хочешь, чтобы я ее дочку здесь привечала и еще, не дай бог, породнилась с ней?

– Ну, а Машка-то в чем виновата? – начинает заводиться Боря, не в силах выслушивать то, что он уже слышал сто тысяч раз. Сколько можно? Одно да потому.

– А твоя Машка, вот увидишь, такая же, как мамаша! Яблоко от яблоньки недалеко падает. Я про нее разузнала...

– Всё, хватит! – грубо обрывает Боря, ибо это уже слишком. Терпеть подобные разговоры и намеки он не собирается.

То, что у Скопичевской он далеко не первый секретом для него не являлось. Да, его это дико бесило, но он старался об этом не думать. В конце концов, Машка старше его на четыре года, а потому вполне естественно, что до него у нее были мужики.

Борю это, конечно, ничуть не успокаивало, жалило самолюбие, но не до такой степени, чтобы он не мог с этим справиться. Но вот что по-настоящему выводило из себя, так это вмешательство матери. Поэтому, когда она заявляет, чтобы

он не затыкал ей рот, Боря не выдерживает и высказывает все, что давно накопело.

– Я не затыкаю тебе рот, мама! Но, если тебе что-то не нравится, высказывай свои претензии по адресу. Я не собираюсь отдуваться за отцовское блядство. И Машку прекрати сравнивать с мамашей, она не такая! – отрезает он и разворачивается, чтобы уйти, считая разговор оконченным. Мать на его спич, как ни странно, реагирует вполне спокойно, лишь усмехается и иронично бросает:

– Дай то бог.

В гостиную Шувалов врывается во взвинченном состоянии, злясь на самого себя за то, что не сдержался и расстроил мать. Поздоровавшись с родителями Гладышева и отцом, он спешит к друзьям. Гладышев сразу же прерывает свой разговор и застывает в ожидании, когда Борьку прорвет. И Шувалов не заставляет себя ждать.

– Не, нормально вообще? Отец накосячил, а я – крайний? – опрокинув рюмку коньяка, раздраженно выплевывает он.

Гладышев усмехается.

– Ну, так сказано, грехи отцов падут на детей до седьмого колена.

– Чего?

– Того. Крепись, Борян.

– Иди ты нахер, Олежа! Я тебе серьезно, а ты со своими шуточками.

– Какие шуточки, Боря?! Библия – штука серьезная. Из-за нее люди, между прочим, ни один век воевали, – продолжает Олег умничать, но Шувалову сейчас не до смеха, поэтому он раздраженно отмахивается.

– А этого ты за каким сюда притащил? – оглядевшись, кивает он в сторону «космонавта» или попросту наркомана.

– Денег он мне должен, а его днем с огнем не выцепишь. Чего так долго? Теть Люба уже готова была меня линчевать. На фиг вообще надо было трепать про свадьбу? – резонно замечает Гладышев, наливая себя коньяк.

– Да это мамаша Машкина растрезвонила, чтобы мать позлить, – с досадой признается Шувалов. – Я как узнал, хотел прибить ее на хрен.

– Ну, так и прибил бы, – невозмутимо отзывается Олег.

– Ты че, теща же будущая, – усмехается Шувалов.

– Тем более, быстрее отмучаешься, – хохотнув, заходиться кашлем друг, опрокинув в себя коньяк. – Фу, ну и дрянь же!

– Гладышев, вот не пьешь ты крепкие напитки и не пей, не переводи добро, – забирает у него Борька бутылку. Смотреть, как друга всего перекосило, нет сил.

Пока Гладышев приходит в себя, Шувалов принимается за еду, а то со всеми этими разборками совсем забыл об одной из главных радостей жизни.

Постепенно настроение поднимается, тягостные мысли отходят на второй план, и Боря по-настоящему наслаждает-

ся общением с родными и друзьями. Мама на него больше не злиться, она вообще человек отходчивый, поэтому через полчаса уже во всю обнимает сына, со слезами причитая, как же она будет без своего львёночка. У Борьки, как и у всех присутствующих ее речи вызывают приступ неудержимого хохота, но Любовь Геннадьевну это ничуть не смущает.

– Вам – мужикам, материнских чувств никогда не понять, – улыбаясь, отмахивается она.

И Боря действительно не понимает, просто знает, что у него лучшая на свете мама, а потому заставлять ее переживать и расстраиваться для него невыносимо, но и как найти решение, которое удовлетворит всех, он тоже не знает.

Эти мысли напоминают ему о главной проблеме, и как бы его не ломало что-то у кого-то просить, Машкино благополучие важнее его самолюбия. Пересилив себя, он обращается к Гладышеву, когда они выходят на улицу, чтобы проветриться.

– Олег, присмотришь за моей.

– В смысле? – удивляется друг и не упускает возможности подколоть. – Пояс верности на нее надеть что ли?

– Иди нафиг, придурок, – со смешком отзывается Борька. – Денег если че подбросишь? Я потом отдам.

– Так ты же ей все накопленные бабки отдал.

– Ну, ей там что-то надо было купить, – туманно отвечает Шувалов, зная, что сейчас Гладышев выдаст в своей манере. И он выдает.

– Борь, ты сдурел что ли? Тебе на хрена этот геморрой? Пусть сама идет и пашет. А то нормально пристроилась. Как лоха тебя разводит!

– Не учи дедушку кашлять, – отрезает Шувалов, начиная закипать. – Поможешь или нет?

– Я-то помогу, но вот она того стоит?

– Что значит, стоит? Это тебе не тачка. Любишь бабу – заботишься о ней, а стоит она или нет – это уже другой вопрос.

– Ну, так ответь на этот «другой» вопрос.

– Вот встретишь свою зазнобу, Олежа, и ответишь, а потом скажешь, был ли вообще смысл отвечать, – подмигнув, парирует Шувалов, давая понять, что тема закрыта.

Вот только закрыть ее для самого себя не так -то просто. Впрочем, Боря даже не пытается, зная, что следующие два года будет изводить себя мыслями об этом.

Выдержат ли они с Машкой испытание расстоянием и временем? Шувалов надеется, что да. Очень надеется. Да и что еще ему остается? Только надеяться и верить, верить и надеяться – такие вот перспективы.

Глава 5

Спустя пять месяцев...

«Здорово, братух! С днём рождения (наступающим или прошедшим, не знаю, как дойдет, почта работает с перебоями)! Здоровья тебе крепкого, успеха во всех твоих начинаниях. Пусть всё, что ты задумал, будет реализовано. Не расстраивайся из-за универа. Как та баба из фильма говорила: «У тебя еще уйма попыток». Ты у нас башиковитый, просто пока не повезло, но я уверен, у тебя все получится и не в нашем колхозе, а где-нибудь в столице. Всё, что ни делается – всё к лучшему. Неудачи тоже полезны: закаляют характер и мотивируют. В общем, не накручивай, Олежя, а то знаю я тебя, начнешь анализировать, да грузиться. Живи проще, братух, будь оптимистом, иначе так можно и в дурдом загреметь, а мне совсем не хочется таскаться в психушку на Льва Толстого. Знаешь же, я этот район не люблю. Короче, счастья, дружище, любви и всех благ. Если что, ты знаешь, что всегда можешь на меня положиться. Отлично вам отпраздновать. Пацанам и девкам нашим привет. Зайди к матери, я оставил тебе подарок. Только при ней не открывай, а то ее инфаркт долбанёт. И без глупостей! Без всяких «да не надо», «ни к чему» и тому подоб-

ной херне. Без тебя разберусь. В конце концов, должен же кто-то оберегать твою смазливую физиономию, пока меня нет. Так что молча бери и всё! Кивни, если понял. Еще раз кивни...»

На этом моменте Гладышев начинает хохотать, сообразив, что в самом деле кивает. Чувство, будто Борька стоит напротив и сверлит требовательным, упрямым взглядом.

В этом весь Шувалов: отказов он не принимает, и если уж что-то взбредет в его голову, то хоть умри, а от задуманного он не отступит. Поэтому Олегу ничего иного не остается, кроме, как кивать да удивляться предусмотрительности друга.

И когда только всё успел? Впрочем, глупый вопрос. Это же Борька. Он всё успевает, про всех помнит и близким последнее отдаст, если понадобится. Такие люди, как Шувалов, в которых уверен больше, чем в самом себе, они на вес золота. И Гладышев, в которые раз признает, что с другом ему несказанно повезло.

Борька был не просто приятелем, на которого всегда можно положиться, он был для Олега по-настоящему дорогим и близким человеком, которому Гладышев мог доверить всё, что угодно: сомнения, проблемы, радости и мечты. Шувалову всего лишь парой слов удавалось ободрить, встряхнуть, вселить уверенность и дать пинка. Вот и сейчас в каждой строчке непоколебимая вера в то, что всё у Олега получится, и Гладышев чувствует, как подавленность из-за провала

на экзамене и переезда на Север потихонечку отпускает из своих цепких лап.

Определенно, Шуваловский оптимизм заразен, – подытоживает Олег и продолжает «терапию».

«Братух, идея податься на Север очень даже дельная. Деньги там хорошие можно заработать. Но твою же... не мог ты её раньше подкинуть?! Я бы тогда от армейки откосил, вместе бы поехали. Теперь торчи мне здесь два года, переживай, как бы ты там не окоцурился да на какой-нибудь бурятке не подженился, а то ринешься проверять, правда ли, у азиатов везде узко, и наплодишь бурят – оленят.»

– Вот придурок, – опять заходится Гладышев хохотом. Мишка Антропов недоуменно косится на него и вопросительно приподнимает бровь.

– Че он там?

– Отжигает.

– В смысле?

Гладышев указывает на только что прочитанный абзац, и через пару секунд хохочут они уже на пару с Антроповым.

– Серьезно, узко? – просмеявшись, интересуется Мишка.

– Еще один дуралей, – закатывает Олег глаза.

– Ну, а че? Говорят же, у мужиков-азиатов елда меньше, чем у европейцев, вот и у девчонок там, наверное, под них заточено, – выдает Антропов еще одну стереотипную муть и достает пачку сигарет.

– Ну, поехали со мной, – предлагает Олег, – займешься

исследованием широт и глубин северных.

– Не-е, отморожу еще себе всё нафиг.

– Так ты найди себе с огоньком. Такую, чтоб и коня на скаку, и борщ на плиту, а ты такой на печечке полеживаешь, пузо почесываешь, – расписывает Гладышев, театрально вздыхая и мечтательно закатывая глаза, вызывая у Мишки очередной припадок веселья.

– Че ж ты тогда от Ядрёной своей ломанулся? Она, как раз, тебя и борщами почивала, и греть готова была по триста раз на дню.

– Ну-у, – тянет Олег и глубокомысленно изрекает. – Не хлебом единым жив человек.

– Тебе не угодишь. Вот подцепишь на Севере какую-нибудь снежную королеву, сразу Ядрёную нашу вспомнишь.

– Да-а, Ядрёная хорошая. Мозгов бы чуть-чуть и вообще мечта, – с улыбкой соглашается Гладышев, вспоминая свою бывшую подружку – Сашеньку Иванцову: заботливую, ласковую, немного полноватую блондиночку с внушительным размером груди.

Ах, какой Сашенька была кудесницей: и булочки, и блинчики, и борщи, и минеты, и жаркий секс, где только хочешь, и как хочешь! Если бы жизнь заключалась только в том, чтобы трахаться и харчеваться, то, пожалуй, ее можно было назвать идеалом.

– Не надо ей мозгов, – возражает меж тем Миха. – Она потому и хорошая, что без них.

Гладышев усмехается и возвращается к чтению письма.

«Ну, ты понял, Олежа. Не вздумай! Я не поеду к тебе на свадьбу задницу морозить. А если серьезно, удачи, братух, хотя не знаю, как ты там будешь. На Севере пить надо, как слепая лошадь, чтоб не окочуриться, а ты у нас дохлятина. Короче, напиши мне сразу, как приедешь, что там и как.

У меня всё нормально. Скоро учения закончатся, в море выйдем. Жду очень. В учебке запарило торчать. Прикинь, недавно в столовке дежурил, у них там тушенка с 80-х годов, и нас этой парашей кормят. Я в ахере! Но приходится жрать, куда деваться?

Вчера чуть на гауптвахту не загремел. Дятел тот из старшего призыва опять доебался, я не выдержал – мозги ему стряхнул. Забыл, что не в зале, сделал бросок через себя, а он башкой прямо в бетон вписался. Короче, откукарекался, лежит в медчасти. Повезло, что прапор у нас мировой мужик. Удалось разрулить. В целом, жить можно. Иногда даже весело бывает.

Братух, у меня просьба: зайди к Машке моей. Уже месяц от неё писем нет. Узнай, как она. Может, что случилось? Я, блин, издергался. Не могу ни жрать, ни спать, накручиваю в башке, как псих. В начале декабря в море надо выходить, а какое мне море, если ни фига не понятно? Напиши мне сразу, как узнаешь всё, а то у меня реально крыша поедет. Пацаны стебуются, говорят, типа кинула, но... Не знаю, короче. Если правда кинула, уйду в самоволку и убью

нахуй!

Такие дела, братух. Буду прощаться. Давай, удачи тебе, жду ответ.»

Дочитав письмо, Гладышев, нахмурившись, поджимает губы. В отличие от Борьки у него относительно Маньки Скопичевской иллюзий никаких не было. Он эту алчную сучку с первого дня насквозь видел. И до сих пор недоумевал, как это друга угораздило вляпаться в такое дерьмцо, причем по самые уши. Видимо, правду говорят, любовь зла. Но похоже, пришла пора увидеть Шувалову истинное лицо своей зазнобы, вот только как же не вовремя. Как же, мать её, не вовремя!

Гладышев разве что зубами не скрипит от досады, ибо знает Борьку, как облупленного. Взорвётся Шувалов, и никакая сила его в армии не удержит. Примчится домой, чтобы если не убить Маньку, так хоть просто в глаза ей-твари посмотреть.

Олег, конечно же, считает, что Скопичевская таких затрат энергии и сил не стоит. И уж тем более, она не стоит тех проблем, которые возникнут, если Шувалов уйдет в самоволку. Но разве Борьке это объяснишь?! Не станет он никого слушать. Упрямый ведь, как баран. Будет на эмоциях творить черте что даже себе во вред, но не успокоиться, пока не выплеснет всё, что накопело.

Поэтому надо придумать, как уберечь друга от необдуманных действий, но прежде всего, выяснить, что эта падла

– Скопичевская мутит и с кем. Помоги ей бог, если она действительно Борьку кинула, Гладышев тогда устроит ей веселую жизнь.

В крови уже сейчас бурлит такой гнев, что хочется живьем закопать дуру. Обидно за друга до невозможности. На части рвет. Гладышев, наверное, за себя бы так не переживал, как за Борьку. Не заслужил Шувалов такого. Ведь всё для этой курвы делал, любил её по-настоящему, а она – сука трусливая даже написать не может. Более того, мозгов не хватает просто соврать.

В это мгновение у Гладышева в голове щелкает, и он понимает, что вот он – выход.

Плевать, что там у Скопичевской происходит, писать Борьке она будет до последнего, иначе Гладышев ее сам прикончит. Испортить Шувалову жизнь он не позволит.

– Случилось что? – отвлекает его Антропов от кровожадных мыслей.

– Ты мошь Шуваловскую давно видел? – спрашивает Олег, сворачивая письмо.

– Машку что ли?

– Ну.

– Да давненько, – задумчиво произносит Мишка, затягиваясь сигаретой. – Потерялась она где-то. В клубе не бывает, на площади тоже. Заработалась походу.

– Загулялась, – скривившись, поднимается Гладышев с кресла.

– В смысле?

– В прямом.

– Вот бядина – то! – выплевывает Миха. – А Борька че?

– А Борька думает, случилось у неё что-то, – не скрывая иронии, отзывается Олег.

– Так может, правда, случилось? – с сомнением предполагает Миша.

– Ага, – невесело усмехнувшись, закатывает Гладышев глаза. – Эта коза тогда бы сразу ко мне прискакала, денег просить. Она первое время несколько раз в месяц клянчила, а тут что-то затихла. Я подумал, совесть появилась. Мать её видел, та сказала, на работу она устроилась. Но теперь понимаю, что там у неё за «работа» такая.

– Да-а уж, – тянет Антропов, туша сигарету об дно пепельницы. – И полгода-то еще не прошло.

– Угу, – с тяжелым вздохом соглашается Гладышев и тут же резюмирует. – Ладно, пойдем, навестим эту курицу, чтоб ей жизнь мёдом не казалась.

Миха втягивает с шумом воздух, и поднявшись, следует за другом.

Глава 6

Дома Скопичевской по закону подлости, естественно, не оказывается, но Олег решает подождать. Хочется поскорее разобраться в ситуации и найти решение проблемы до отъезда на Север. Устроившись на детской площадке, они с Мишкой следят за Машкиным подъездом.

К счастью, долго Скопичевскую караулить не приходится. Спустя час у подъезда останавливается вишнёвая «девятка», выпорхнув из которой с букетом красных роз, довольная Манька сияет, как начищенный тазик.

Гладышев смотрит, как она с улыбкой машет своему халю, и чувствует, что звереет.

– Э, слышь! – свистнув, поднимается он с лавки, когда Машка направляется в подъезд.

Скопичевская, застыв, резко оборачивается. Увидев приближающегося Гладышева, Маша меняется в лице и бросает взволнованный взгляд вслед уезжающей «девятке», но она уже выворачивает со двора.

Тяжело сглотнув, Скопичевская опускает букет, не зная, что с ним делать и как его вообще объяснить. Впрочем, что тут объяснять? Всё понятно без слов. И бешенство, с каким Гладышев на неё смотрит, подтверждает это. Маша ощущает его ярость даже кожей, внутри всё начинает дрожать от

страха.

Бойтся она Гладышева, очень бойтся. Все знают, что он-мстительный гадёныш. Скопичевская даже не сомневается, что так просто он её предательство не оставит. За Борьку глотку перегрызёт и по каплям всю кровь высосет, и плевать ему, что его это совершенно не касается. Ей он спуску не даст, давно на неё зуб точит, поэтому обманчиво–ласковый тон его голоса не может её обмануть.

– Ну, привет, Машенька! – улыбается он, но от арктического холода в его глазах у Скопичевской мороз пробегает по коже. – Рассказывай, как жизнь молодая, что за извозчики у тебя вдруг появились?

– Слушай, давай не будем разводить цирк. Я Боре напишу и всё объясню, – преодолевая в себе страх, выдавливают Машка.

– Конечно, напишешь, – ехидно тянет Олег. – И будешь писать все два года, как ни в чём не бывало, иначе я тебе, сука, устрою красивую жизнь.

– Что? – ошарашенно выдыхает Скопичевская, отшатнувшись. – Ты охренел?! Ты кто вообще такой, чтобы со мной так разговаривать?!

– Скажи спасибо, что еще разговариваю. У меня с такими шалабудами, как ты, разговор всегда короткий.

– Пошел ты, урод! Тебя вообще наши с Борей дела не касаются. Не смей ко мне лезть, иначе я сейчас позвоню Арташу, и тебя в ближайшем лесу закопают, понял?! – срывается

Машка на крик, не столько даже от возмущения, сколько от накатившего ужаса. Ей действительно страшно и не по себе.

– Понял. С чурками, значит, путаешься... Ну, ты и днище! – презрительно выплевывает Гладышев и смотрит на неё, как на какую-то мерзость. – Ну, давай, зови своего дятла. Интернатовские пацаны разматают его в два счета, а потом с тобой «пообщаются», чтоб знала, как перед хачами ноги раздвигать.

– Господи, ты – конченный отморозок, Гладышев! – сдавленно выдыхает Машка, глядя на него во все глаза. Букет выпадает из её рук, но она даже не замечает этого, попятившись к двери подъезда.

– Я нормальный, – отрезает Олег. – Просто хитровыдрюченных паскуд не люблю. Хотя... ты не хитрая, ты – тупоголовая: повелась на мелочь. С Борькой бы жила, как у Христа за пазухой, а теперь по рукам пойдешь. Хачи не дураки, они на своих женятся, а не на дешёвых подстилках.

Сказать, что слышать такое больно – не сказать ничего. Каждое слово бьет наотмашь. И Маша не находится с ответом. Да и что в такой ситуации скажешь? Не станешь же рассказывать о своих сомнениях, страхах и проблемах. Гладышеву на них плевать. Да и не поймёт он. У него всё просто: есть чёрное и есть белое, а остальное – отговорки. У Маши тоже всё было чёрно-белым до определенного момента, а потом жизнь показала совсем иные краски. Мать в очередной раз с работы уволили, и она запила, Маше же пришлось

оставить техникум и устроиться посудомойкой в кафе, чтобы хоть как-то держаться на плаву. И всё бы ничего, зарплату платили вовремя, относились по-человечески, но Маша не могла не думать о будущем.

Перспектива драить посуду следующие два года удручала. Но самое главное, что не было стопроцентной уверенности в том, что ожидание окупится. Это пока у Борьки любовь, а что будет потом – неизвестно.

Разве можно всерьез рассчитывать на парня, которому только-только исполнилось восемнадцать. Да, он ответственный, надежный, но он молодой, горячий, порывистый и в любой момент может влюбиться или просто уйти, а что потом делать ей – двадцати четырехлетней дуре, потратившей столько лет на ожидание?

Маша не знала. Она любила Шувалова. Правда, любила, но рисковать своим будущим ради чувства, которое однажды все равно угаснет и, возможно, даже быстрее, чем они думают, не могла. Поэтому, когда Арташ – хозяин кафе обратил на неё внимание, Маша не стала пресекать его попытки сблизиться, но и зеленый свет давать не спешила. Всё думала, взвешивала да пыталась побороть тяжесть на сердце, но это оказалось не так-то просто, пока обстоятельства-таки не заставили её пойти наперекор своим чувствам.

Не вытягивала она в одиночку, не справлялась. Надоело работать только на еду да на оплату коммуналки. В двадцать два хочется жить, а не выживать. И ради этого, порой, при-

ходиться жертвовать чувствами.

Оправдание себе Маша не искала, но выбор свой считала именно жертвой, а не предательством, поэтому чувствовала себя не менее пострадавшей стороной. Но доказывать и что-то объяснять Гладышеву она, конечно же, не собиралась.

Стояла, потупив взор, и молчала, пока он обливал её по-
моями. Про себя, правда, дико ненавидя.

– Поняла меня? – меж тем, заканчивает он свою речь, которую Машка благополучно пропускает мимо ушей, погруженная в свои мысли.

– Нет, – качает она головой и тут же испуганно добавляет, заметив, как меняется выражение его лица. – Я не услышала.

– Так ты не щёлкай ртом, дура, – встречается Антропов, потирая замерзшие руки. Видно, что ему уже осточертело торчать на морозе.

– А ты вообще на хер иди, debil! – огрызается она.

– За базаром следи, – цедит Мишка сквозь зубы и достает пачку сигарет.

Маша собирается ответить, но Гладышев не позволяет.

– Значит, слушай сюда, я повторять больше не стану. Вякнешь Борьке про своего хахалю, я тебя интернатовским скормлю живьем, поняла? Они отмороженные, Скопичевская, лучше не нарывайся. Хач твой, если рыпаться начнёт, останется без забегаловки, её подожгут только так. Мне пофиг, что там у тебя и кто, Шувалову будешь два года писать, как миленькая.

– Думаешь, он потом тебе за это «спасибо» скажет? – усмехается Маша сквозь слёзы.

– А мне никакое «спасибо» и не нужно, мне надо, чтобы мой друг не натворил глупостей из-за какой-то шалавы! – жестко припечатывает Олег, отчего Машка бледнеет. – И он их не натворит, иначе ты у меня взвоешь.

– Ты – псих, Гладышев, тебе лечиться надо!

– Ну, вот не забывай об этом, пиши Шувалову, и будет тебе счастье, – ухмыльнувшись, холодно резюмирует он. – Давай, дуй, письмо строчить. Чтоб прям сегодня села и написала, что болела или что там... придумай, короче. Поняла меня?

– Поняла, – цедит Скопичевская и, не говоря больше ни слова, спешит домой, глотая слезы. Гладышев с шумом выдыхает, поражаясь собственной выдержке. Желание убить идиотку было нестерпимым.

– Зря ты это затеял, – бубнит Миха, чиркая зажигалкой, пытаясь подкурить очередную сигарету.

– В смысле? – хмурится Олег, хотя у самого на душе спокойно. Понимает, что неправильно это, но и придумать что-то получше пока не получается.

– Да шла бы она лесом, – скривившись, делает Антропов затыжку. – Стопудова херню какую-нибудь намотит. Пусть бы просто не вякала, а там уж сами без неё как-нибудь разрулили бы. На крайняк левую девку можно попросить писать, всё спокойней.

– Слушай, а это идея, – задумчиво тянет Гладышев.

В самом деле, зачем нужна эта падлюка? С таким же успехом любая другая может писать, только при этом не шлаться с кем ни попадя. Конечно, правильнее рассказать правду и позволить Борьке решать самому, но Олег боится рисковать благополучием друга, а оно для него важнее всяких понятий. Поэтому он готов на любую авантюру, чтобы уберечь Шувалова от необдуманных поступков.

– Тогда я пойду, заберу у неё письма да скажу, чтобы сидела на жопе ровно, – предлагает Миха.

– А письма зачем?

– Ну, чтобы если что почерк скопировать, да и вообще понять, о чем они там трындели.

– Охренеть, ты у нас, оказывается, интриган еще тот, – усмехается Олег.

– Поживешь в интернате, не только интриганом станешь, – скривившись, парирует Мишка. – Ладно, я пошел до этой курицы, стуканёмся завтра. Я сегодня к Рыжей с ночёвкой, у неё родаки куда-то свалили.

– Давай, Викусе мой пламенный, – с понимающей ухмылкой махнув рукой, направляется Гладышев к тёте Любе, чтобы забрать подарок.

В голове же назойливой мухой крутиться мысль: где бы найти такую девчонку, которая согласилась бы писать в армию незнакомому парню, прикидываясь его девушкой? Задача-то не из легких, но, тем не менее, разрешимая. И Гла-

дышев собирается решить её, чего бы ему это ни стоило.

Глава 7

– Алёнка, иди кушай, – с нажимом повторяет Ольга Андреевна.

– Сейчас, – на автомате уже в который раз отзывается Алёна, продолжая сосредоточенно смётывать платье. Длинные пальчики, словно разноцветные крылья бабочки задорно порхают над бархатной тканью, сверкая яркой радугой на ногтях: от небесно-голубого до неоноворозового.

У Ольги Андреевны от скорости, с которой дочь сшивает выкроенные части, рябит в глазах, а на душе становится тоскливо. Где это видано, чтобы её Алёнка сидела дома в такое время и головы не поднимала от работы?!

Дочь, конечно же, обожала своё хобби, с детства шила куклам платья, рисовала да придумывала разные образы. В четырнадцать записалась на курсы и уже с пятнадцати лет начала подрабатывать, обшивая подружек и знакомых, но никогда это не выходило на первый план, и не пахло фанатизмом.

У Алёнки было множество занятий, интересов, друзей. Она никогда не сидела на месте, всегда была в гуще событий и людей. Её жизнь кипела, подобно пробудившемуся вулкану: школа, дизайнерские курсы, волейбол, соревнования, различные конкурсы, праздники и вечеринки, на которых

она неизменно была душой компании.

В доме Глазковых не переводились Алёнкины друзья. То они с девчонками готовились к контрольной, то репетировали какие-то номера на школьные выступления, то приглашали друзей брата поиграть в мафию или просто побалдеть. Шум, гам, взрывы смеха и громкая музыка были привычным делом в их доме, и ни у кого из семьи не вызывали раздражения или непонимания. Ольга Андреевна любила гостей, атмосферу праздника и сияющие глаза своих детей, а потому нынешняя тишина и витающая легким флёром подавленность очень удручала.

С переездом в Бийск жизнь круто изменилась, но если поначалу в суете и хлопотах это было не слишком заметно, то теперь, когда с ремонтом и обустройством быта было покончено, глядя на поникших детей и измотанного новой должностью мужа, Ольга Андреевна все чаще испытывала разочарование и сожаление. Не так она это всё себе представляла. Совершенно не так.

Конечно, она понимала, что период адаптации неизбежен, но не думала, что он настолько затянется. Особенно, у её энергичной, неунывающей Алёнки. Вот уж кто-кто, а дочь должна была с лёту влиться в новый коллектив и уже вовсю устанавливать в нём свои порядки, как всегда, делала раньше. Но, как ни странно, на сей раз этого не случилось.

Новый класс принял Алёну прохладно. «Королевы» школы были, мягко говоря, не в восторге от её заграничных, мод-

ных вещей, привезённых отцом из командировок. Хотя завидовать в общем-то было нечему. Брендами Евгений Дмитриевич отоваривался исключительно в стоках и секонд-хендах, а уж умелые ручки Алёнки превращали потрепанные вещички в лакомую конфету. Денег -то, как и у всех в стране, особо не было, вот и выкручивались, как могли. Но подросткам это, конечно же, было невдомек, да и гордая Алёнка никому ничего объяснять, и в друзья набиваться не собиралась, а вот использовать зависть для своей выгоды была очень даже «за».

Её предприимчивая и деятельная натура не позволила долго киснуть и переживать из-за не самого радушного приёма в новой школе. Справедливо рассудив, Алёна решила, что раз уж с друзьями она в пролёте, то почему бы не обзавестись клиентурой, а если уж Глазкова приняла какое-то решение, то подходила к делу основательно, и этот раз исключением не стал, несмотря на все возникшие трудности.

Пожалуй, они даже подстегнули Алёнку, бросая вызов, который она без колебаний приняла, и со всем присущим ей энтузиазмом решила доказать, прежде всего, самой себе, что способна достичь поставленных целей не на фарте, харизме и врожденных талантах, а трудом, терпением и упорством, чему теперь посвящала всё своё свободное время, и что в общем-то уже дало положительные результаты.

У Алёнки появились постоянные клиентки, не много пока, но за пару месяцев иначе и быть не могло, зато некоторые

из них рискнули даже заказать новогодние наряды, что было для Алёны очень лестно, ибо такого доверия и признания она не ожидала, во всяком случае, так скоро, а потому очень боялась не оправдать ожиданий и с головой ушла в работу, посвящая ей всю себя.

Наверное, любая мать должна бы радоваться подобному рвению ребёнка, но у Ольги Андреевны Алёнкин трудоголизм восторгов не вызывал, ибо она свою дочь знала и понимала, что это просто такой способ заменить недостающую часть привычной жизни и отвлечься от переживаний, ибо, как бы Алёнка не пыталась делать вид, что всё в порядке и она всем довольна, Ольга Андреевна видела, что её девочку очень ранит сложившаяся ситуация. Более того, она стыдится, что не сумела влиться в новый коллектив, словно не справилась с поставленной задачей и не оправдала ожиданий.

Ольге Андреевне очень хотелось объяснить дочери, что не всегда такие моменты зависят исключительно от одного человека, но она знала, что разговор ещё больше смутит Алену. Гордая она у них девочка, сочувствия и уж не приведи господь, жалости не потерпит. Именно поэтому Алёнка предпочитала делать вид, что, как и прежде, находится в эпицентре школьной жизни, а Ольга Андреевна не спешила лезть ей в душу, уверенная, что всё со временем наладится. Дочь у неё не из тех, кто сдаётся, своё место ещё обязательно найдёт. Просто на это, видимо, уйдёт больше времени и сил, чем они предполагали. В общем, за Алёнку она сильно не пережива-

ла, но вот сын по-настоящему беспокоил.

У семнадцатилетних парней были более примитивные методы социальной борьбы, чем у шестнадцатилетних девчонок, и зачастую все вопросы решались силой. Лёшка же в этом плане никогда особо не блистал, да и не возникало до переезда такой необходимости.

По натуре он был очень спокойным, неконфликтным молодым человеком. На рожон и в сомнительные компании никогда не лез, но постоять за себя мог. Вот только против тех, кто привык кулаками и угрозами выбивать своё место под солнцем это было не эффективно, скорее даже раззадоривало.

Ольга Андреевна мало, что знала, сын был скрытным и все переживал в себе, но то, что ему приходится несладко, чувствовала материнским сердцем, и оно кровью обливалось от неизвестности, и страха.

Нет, Лёшку не били, но деньги стабильно отбирали и издевались, судя по обмазанной чем-то одежде. Сколько они с Алёнкой не допытывались, что за сволочи это творят, Лёша молчал, как сыч, либо посылал куда подальше. Тоже гордец еще тот.

Алёнка пыталась проследить за ним, но попытки не увенчались успехом, только переругались с братом, а ведь руководствовались одним: Лёшка её пытался уберечь, а она за него вступиться.

Вот так и жили – на нервах и в бесконечных переживани-

ях. Сегодняшний вечер тому наглядное подтверждение: на часах уже десятый час, а Лёшки все нет, и Ольга Андреевна себе места не находит, как и Алёнка, то и дело поглядывающая на часы. Будь они в родном городе, до полуночи бы даже не хватились, но здесь после девяти можно смело начинать бить тревогу, что Алёнка и делает, отложив шитьё.

— Мам, я пойду Лёшку искать, — решительно объявляет она, не в силах больше бездействовать, когда брат неизвестно, где и с кем.

Внутри всё переворачивается и сжимается, стоит только представить, что он один среди толпы каких-то отморозков. И такая ярость накатывает, что дышать становится трудно. За брата Алёнка готова перегрызть любому глотку. Вот только толку-то от неё?

Один в поле не воин, как говорится. Это раньше она бы свистнула своим знакомым парням с волейбола, и они бы быстро уработали любого, кто к ним с Лёшкой полез, а теперь за ней никого нет. И Алёнка, сколько не анализирует, никак не может понять, почему вдруг стала парией.

Это злит и вызывает, как ни странно, боль, которую Алёнка каждый раз старается отгонять, свыкнувшись за последние месяцы с мыслью, что таких друзей, как в родном городе, здесь у неё не будет, но вот с чем свыкнуться и смириться не получается, так это с полнейшим бессилием, когда её брату требуется помощь.

Не может Алёнка бездействовать, наизнанку всю вывора-

чивает, особенно, когда мама, как сейчас, мечется из угла в угол, заламывая кисти в беспокойстве.

Нет, хватит с неё Лёшкиного геройства! Пусть от неё толку немного, но одного она его не оставит. Огробать так вместе! В конце концов, двое против толпы уже что-то. Уж одной сволочи она нос разобьет, а там хоть трава не расти. Плевать ей, сколько их будет, главное, чтобы брат знал, что он не один.

Эта мысль подстегивает её, и Алёнка, решительно подойдя к шкафу, достает старый спортивный костюм, в котором ездит на природу.

– Алёна, ты никуда не пойдешь! – безапелляционно проносит Ольга Андреевна, поняв, что дочь действительно настроена идти искать брата.

– Пойду, – отрезает Алёнка, переодеваясь.

Взглянув на себя в зеркало, девушка усмехается. Она всегда комплексовала из-за своего высокого роста и широкой кости, но теперь её крепкая, спортивная фигура играла только на руку. Парни в большинстве своем щуплые и невысокие как-то сразу тушевались в присутствии такой «бабы -гром», как однажды её обозвал один придурок, над которым ржала вся параллель, когда она сшибла его во время баскетбола.

– С ума сошла! Я тебя одну не пущу! – продолжает Ольга Андреевна воевать. – Вместе пойдем.

– Мам, ну, куда ты пойдешь?! Скоро папа придёт, не нужно его грузить еще и этими проблемами, он и так еле живой

приползает, — резонно замечает Алёнка.

Евгений Дмитриевич на новой должности действительно зашивался, разгребая завалы и исправляя ошибки своих предшественников, будучи хорошим специалистом и крайне ответственным, а главное — порядочным человеком, что в нынешнее время только добавляло головной боли, прежде всего, этому самому человеку.

Вот и маялся глава семьи Глазковых, в который раз за последние полгода проклиная тот день, когда согласился на переезд, соблазнившись повышением и хорошей зарплатой. Не стоило оно того, совершенно не стоило. Но теперь уже поздно было давать задний ход. Да и детям скоро поступать, играть свадьбы, помогать обустраиваться в жизни, а это всё требовало не малых средств, поэтому приходилось терпеть и пахать, как проклятому, что Евгений Дмитриевич и делал.

Жена же и дети, понимая всё это, старались лишний раз его не расстраивать и не беспокоить. Но сейчас Ольга Андреевна считала, что не время для подобных церемоний, с чем Алёнка была категорически не согласна. Ей вообще идея взять с собой маму казалась дикостью.

Ни к чему Лёшку унижать перед какими-то утырками. Для начала надо хотя бы выяснить, с кем они имеют дело, а там уже думать, что делать дальше, так что мамин поход даже не подлежал обсуждению. Не маленькие, сами разберутся.

Глава 8

– Я не одна, соседа позову, – выкручивается Алёнка, сама не понимая, как это ей раньше в голову не пришло.

Ведь Олег тут всех на районе знает и вполне может помочь. Конечно, они не настолько близко общаются, чтобы он впрягался в их проблемы, но он всегда очень тепло к ней относился: улыбался при встрече, спрашивал, как дела, шутил, а как-то даже подвёз на отцовской машине до центра, и они немного поболтали.

Алёнка тогда была очарована и казалось, даже влюбилась. Да и не влюбиться было невозможно. Красивый он, остроумный и жутко колючий, но от того еще более милый. Его хотелось потрепать по волосам, как ребёнка, чтоб рассмешить и сбросить всё наносное. А то, что этот его видок «я вас всех на хэ вертел» – наносное, Алёнка даже не сомневалась, хотя сама не понимала, откуда была эта уверенность. Просто чувствовала и всё.

Бывает такое: встречаешь человека и сразу понимаешь, что он «твой», и тебе с ним как-то легко и комфортно. Вот и Алёнке, несмотря на ершистость соседа, было с ним легко, как если бы они знали друг друга много-много лет. Хотя поначалу Глазкова, конечно, немного смущалась, поняв, что увлеклась, но как-то школьные проблемы быстро вытравили

из её головы всякую романтическую дурь, что, пожалуй, было только к лучшему. Олег совершенно не годился в кандидаты на звание «первая любовь», уж больно заносчивый.

– Какого еще соседа? – меж тем недоуменно смотрит на неё мать, уперев руки в бока.

– Ну, Олега со второго этажа, – нетерпеливо поясняет Алёнка и, надев кроссовки, спешит к двери, не взирая на то, что Ольга Андреевна ещё своего согласия не дала.

– Алёна, если он не согласится, не вздумай пойти одна, иначе я тебя прибую! – строго предупреждает она, вызывая у Алёнки едва заметную улыбку.

– Хорошо, мам, – послушно отзывается девушка и мчит на второй этаж, хотя ей не по себе от необходимости просить малознакомого парня о помощи. Алёна вообще это себе слабо представляет.

Кому надо тащиться куда-то на ночь глядя, искать чужого брата, а то и отбивать его у каких-то типов? Понятное дело, никому. И с вероятностью в девяносто девять и девять десятых процентов Глазкова предсказывает отказ, но ради Лёшки она готова и попросить, и отказ получить, а то и ещё что похуже.

Оказавшись у нужной двери, немедленно ни секунды, Алёна решительно нажимает на звонок. В глубине квартиры слышатся мягкие шаги. Вскоре дверь открывается, и Алёнку окутывает лёгкий, цветочный аромат какого-то чистящего средства вперемешку с чем-то аппетитным, отчего девушка

рефлекторно сглатывает, а пустой желудок издает урчащий звук, да так громко, что, если бы не работающий на заднем фоне телевизор, по которому идет футбольный матч, хозяйка квартиры услышала бы, что Алёнкин желудок не прочь оценить её кулинарные таланты.

– Алёнушка, – удивленно приподнимает Вера Эдуардовна идеальной формы бровь, но тут же приветливо улыбается и приглашает в дом. – Проходи, детка.

– Э-э... здравствуйте, Вера Эдуардовна, спасибо, – растерявшись, смущается Алёнка еще больше. Она почему-то думала, что дверь откроет Олег.

– Что-то маме понадобилось? – подсказывает Гладышева девочке, заметив её растерянность.

Алёнка только открывает рот, чтобы всё объяснить, как из соседней комнаты раздается дикий мужской вопль:

– Да куда ты пасуешь?! Ну, что за покойники?!

Глазкова от неожиданности вздрагивает. Вера Эдуардовна же, закатив глаза, качает головой.

– Лига чемпионов, – поясняет она с улыбкой. Алёнка понимающе усмехается.

Если бы отец не работал допоздна, тоже бы сейчас орали с Лёшкой на весь дом, вызывая у них с мамой недоумение и улыбки. Наблюдать за этим цирком без смеха и слез просто невозможно. В такие моменты Алёнка очень сильно сомневалась в адекватности сильной половины человечества. Бесноваться из-за того, что мячик по полю туда-сюда ката-

ется? Ну, не дебилизм ли? Всё-таки мужчины – такие дети. И Алёнка была теперь на все сто процентов уверена, что ребёнка в лице Олега Гладышева она ни за что не оторвёт от ящика, но уйти, не попробовав, все же не могла, ибо где-то сейчас дорогой её сердцу «ребёнок» был окружен какими-то сволочами.

– Вера Эдуардовна, я к Олегу пришла. Не могли бы вы его позвать, – преодолевая неловкость и смущение, произносит она.

– А-а, ну, конечно, – не скрывая удивления, кивает мать Олега и идет в зал, сообщить сыну о госте, гадая, что той могло понадобиться, да еще в такой час.

Вроде бы в друзьях и, уж тем более, девушках она у сына не числилась, хотя кто этого паразита знает, таскается безбожно.

Ну, она ему устроит, если он с малолеткой связался. Девочке ведь, наверное, даже семнадцати нет. Еще, не приведи господь, посадят!

Не подозревая, какой резонанс вызвала у женщины, Алёнка без особого интереса оглядывается вокруг. Да и что может быть интересного в «Сталинке» среднестатистической семьи?

Тот же темно-коричневый трельяж советского образца, что и у повального большинства в прихожей, те же фотообои из восьмидесятых и, конечно же, главный элемент декора в квартире любого приличного россиянина – цветастый ковер

на стене в спальне прямо по курсу. Всё-таки одной декларацией от «Совка» не избавиться. От столь странного направления мыслей ее отвлекает голос Веры Эдуардовны.

– Сынок, к тебе пришла Алёна.

– Какая еще Алёна? – раздается недовольный голос Олега, отчего у Алёнки внутри всё обрывается. Стыдно так становиться и неловко, что хочется сквозь землю провалиться.

– Соседская.

– А что ей надо? – недоумённо уточняет он, окончательно убивая в Глазковой всякую решимость.

– Олег! – шикает на него Вера Эдуардовна, видимо, что-то показав жестами, так как, не сказав больше ни слова, Гладышев выходит из зала.

Алёнка, сцепив дрожащие от волнения руки, радуется, что в прихожей довольно тусклое освещение. Её лицо горит, словно ошпаренное, и на щеках наверняка разливается яркий румянец, выдавая смущение с головой. Пожалуй, ей было бы легче в одиночку разобраться с Лёшкиными обидчиками, чем просить чужого человека о помощи. Но разве она ищет легких путей?!

– Привет! У тебя что-то случилось? – не давая ей собраться с мыслями, сразу же переходит Олег к цели её визита.

– Эм... да, – потупившись, кивает она и тут же торопливо добавляет. – Мне нужно с тобой поговорить.

Звучит это крайне глупо, и Алёнка краснеет еще сильнее. У Гладышева же в глазах вспыхивают смешинки.

– Ну, говори, – улыбнувшись, дает он добро. Ей же его мягкая улыбка придает смелости, и Глазкова быстро выпаливает:

– В общем, я хотела попросить о помощи. Обратиться мне больше не к кому, поэтому вот...

Глазкова разводит руками, поражаясь самой себе. Вроде бы косноязычием никогда не страдала, а тут прямо прёт из неё тупость какая-то, как из рога изобилия.

Олег кивает в ожидании продолжения. И, надавав себе мысленных лещей, Алёнка продолжает, быстро и четко обрисовывая проблему. По ходу её рассказа брови Гладышева взлетают всё выше, как бы говоря: «А я тут вообще при чем?». Но Глазкова старается не обращать на это внимания, главное – помочь брату, а что там подумает этот Олег – вопрос второстепенный.

Гладышев же, уловив суть проблемы, слушать перестает. Дело ерундовое. Он уже сейчас мог со стопроцентной уверенностью сказать, кто прессует её брата. Идиотов этих, обиравших школоту, он знал. Ссыкло на ссыкле. Им будет достаточно пары слов, чтобы отстали, вот только Алёнке он об этом говорить не собирался, ибо у него на неё появились планы.

Осенило вдруг, что вот она – та самая девчонка, которую они с Михой искали. Неиспорченная, умная, живая, открытая, а главное – ни Борьку не знает, ни Скопичевскую, да вообще никого, кто мог бы сплетни распускать. Всё-таки дело

деликатное, не хотелось Шувалова ставить в неловкое положение перед левыми людьми. Этого он точно не простит.

Олег вообще сомневался, что Борька простит такое вмешательство в личную жизнь. Неправильно это, мерзко даже. Если бы он был на месте Шувалова, то, наверное, дружбе бы пришел конец. Но Борька мудрее его, когда дело касается отношений, поэтому Олег надеялся на понимание с его стороны. Надеялся, что друг не поставит ему в вину искреннее желание уберечь от неприятностей. Однако, если нет, то лучше он рискнет дружбой, чем забудет на неё, рискуя благополучием друга.

Решив всё для себя, Олег смотрит на Алёнку, которая, как раз, заканчивает излагать свою просьбу, и окончательно убеждается, что она – то, что нужно, встречая её взволнованный и в тоже время твердый взгляд, говорящий о том, что она в любом случае не сдастся, и, если Гладышев откажет, сама ринется вызволять брата из беды. Олега такие воинственные девчонки всегда восхищали. Такой хотелось помочь без всяких «если» и «но», и Гладышев бы так и поступил, если бы не уезжал через пару дней на Север.

Теперь же у него нет времени, чтобы узнать Алёнку получше и убедиться, что чутье его не подводит, и ей можно верить на слово. Да и предпочитал Гладышев что-то более гарантийное, нежели чьё-то обещание. Поэтому, как и всегда, решает лишний раз подстраховаться и предложить почти честный бартер: пока она пишет Борьке, они с братом

находятся под защитой Мишки, и их никто не трогает.

Для абсолютного успеха можно, конечно, добавить, что будет в противном случае, но Алёнка ему нравилась, и с ней не хотелось вести диалог в таком тоне. Лишнее это. В конце концов, хоть чуть-чуть можно и к внутреннему голосу прислушаться, а он подсказывал, что эта девчонка не подведёт.

Глава 9

Алёнка несколько раз моргнула, пытаясь понять, над ней сейчас пошутили или это на полном серьёзе. Она, конечно, всякое ожидала услышать после того, как Гладышев сказал, что у него тоже есть просьба, но, чтобы такое...

Такое Алёна даже представить не могла, хотя на фантазию жаловаться не приходилось. Не то, чтобы её смущало писать незнакомому парню под видом его девушки. Ради брата она бы не такую комедию разыграла, просто удивляло, что и парням не чужда ложь во спасение. Ей всегда казалось, что в мужской дружбе фигурируют исключительно такие понятия, как правда, честь, долг, принципы и всё в таком духе, но либо она ошиблась, либо у соседа какие-то иные представления о сей тонкой материи.

Впрочем, разбираться в этом Алёнка не собиралась, своей головной боли хватало, а потому, недолго думая, решила подписаться на столь странное предприятие.

В конце концов, что она теряет? Разве что только пару часов в неделю на сказку «Жила-была Маша и очень любила Боря». Так невелика цена за спокойствие мамы и безопасность брата. Придя к такому выводу, Алёнка без колебаний озвучивает своё решение:

– Хорошо, я согласна.

Олег едва заметно улыбается и одобрительно кивает.

– Отлично, тогда мы сейчас с моим другом сходим, решим проблему, а потом я тебе расскажу, что и как. Мих, – зовет он друга.

– Чё? – раздаётся из зала.

– Подойди.

– Зачем?

– Дело есть.

– Какое ещё дело?

– Такое. Подойди, – нетерпеливо повторяет Олег.

– И вот оно никак не может подождать до перерыва? – выйдя в коридор, язвительно уточняет Миху и переводит хмурый взгляд на Алёнку, поняв, из-за кого вынужден пропустить матч, который ждал целый месяц.

Глазкову ничуть не смущает столь демонстративное недовольство. Более того, даже веселит. Такой у парня надутый вид, что Алёнке хочется потрепать его по всклоченной шевелюре, приговаривая: «Да бедный ты малыш». От сей мысли Глазкова едва сдерживает смехок, Гладышев же, вспомнив об этикете, представляет её своему другу.

– Познакомься, Мих, это Алёна.

– И? – недоуменно взирает на него всё еще недовольный «бедный малыш».

– И, – с нажимом произносит Олег, – она будет писать Борьке, поэтому нам сейчас надо пойти и помочь её брату решить одну маленькую проблему.

– А-а, – понимающе тянет Миха, но всё же с надеждой уточняет, вызывая у Алёнки улыбку. – А это обязательно сегодня?

– Обязательно, – отрезает Олег.

– Ладно, – тоскливо резюмирует Антропов и, тяжело вздохнув, спрашивает. – Что за проблема-то?

– Я тебе по дороге расскажу, одевайся, – засуетившись, подхватывает Гладышев с вешался толстовку.

– Я с вами пойду, – сообщает Алёнка, когда парни направляются в комнату Олега, чтобы переодеться.

– Нет, – единогласно отзываются они, даже не обернувшись.

Глазкова обалдевает от такой наглости и несколько секунд растерянно хлопает ресницами, глядя на закрывшуюся дверь.

Ничего себе заявочки! Это что еще значит?

– Я иду с вами и это не обсуждается! – упрямо объявляет она, когда парни возвращаются.

– Ещё чего, – фыркает Гладышев, надевая куртку. – Сиди дома, нечего тебе там делать. Только путаться под ногами будешь.

– Ну, это я уже сама решу.

– Тогда сама и разбирайся, – коротко бросает Миха, пресекая спор.

– Да в чём у вас проблема? – возмущенно повышает голос Алёнка.

– В том, что это мужские дела, и бабе в них не место, – высокомерно объявляет Антропов, отчего у Глазковой вырывается шокированный смешок.

Нет, она не устанет поражаться этой непоколебимой мужской вере в превосходстве над женщиной!

– А где, по-твоему, бабе место? У плиты? – язвительно уточняет она.

– Да хоть бы и там, – заносчиво отзывается он, окончательно выводя Алёнку из себя.

Ей хочется высказать всё, что она думает о таких доисторических взглядах, но взглянув на этих двух нахохлившихся петухов, готовых насмерть отстаивать свою точку зрения, одергивает себя, поняв, что это пустая трата времени и сил.

За шестнадцать лет бесчисленных споров с братом она усвоила одну простую вещь – крик и истерики против мужского упрямства не то, что бесполезны, а противопоказаны. Сильный пол, как оказалось, поддается «дрессировке» исключительно методом пряника, а не кнута. Впрочем, в данной ситуации любой подход был бесполезен, ибо об святое «женщине не место в мужских разборках» можно было только расколоть голову, поэтому Алёнка благоразумно решает отступить.

Сейчас действительно не время демонстрировать характер, но она еще обязательно покажет этим сексистам, как отмахиваться от девушки, словно от назойливой мухи. Утешив себя этим, Алёна с тяжелым вздохом соглашается, «как и по-

ложено бабе», покорно ждать у окошечка, и попрощавшись с Верой Эдуардовной, возвращается домой.

– Ну, наконец-то! Я уж подумала, ты сбежала, – выдыхает Ольга Андреевна, встретив её прямо на лестничной площадке.

– Как бы я это, интересно, провернула, если ты караулишь у лестницы?

– Да кто же тебя знает?! Ты у нас на выдумки хитра.

– Пока ещё не настолько, чтобы выпрыгивать из соседских окон, – иронизирует Алёнка, заходя в квартиру, Ольга Андреевна на это только усмехается.

– Ну, что? Отказал? – закрыв дверь, взволнованно спрашивает она.

– Да почему, пойдёт сейчас с другом искать, – не томя, коротко сообщает Алёна, сняв кроссовки.

– Ой, ну слава Богу! – выдыхает мать облегченно.

– Угу, – раздраженно бросив ключи на полку, проходит Алёнка в свою комнату, всё еще кипя от негодования.

– А как это ты вдруг такое событие пропустила? – словно прочитав её мысли, дивиться Ольга Андреевна, зная свою дочь, как облупленную.

– А вот так. Не взяли меня, сказали: «дома сиди, глупое, беспомощное существо, пока боги решают вопрос», – язвит Алёнка, пародируя типичного шовиниста.

Ольга Андреевна начинается смеяться.

– Ну, иногда им нужно давать почувствовать себя богами.

– Они и без нас себя ими прекрасно ощущают.

– Нет, доча, без нас всё это никакого смысла не имеет. Каждый мужчина хочет быть героем именно в глазах женщины. Мы же всё сами да сами, рвёмся на передовую, а потом жалуемся, что мужик перевёлся.

– Не волнуйся, мам, на передовую я не вырвалась. Не перевёлся ещё «мужик» в нашем дворе.

– Ну, вот и хорошо. В конце концов, что тебе там – на передовой делать?!

– А дома что? С ума сходить?

– Ну, я же с вами за семнадцать лет не сошла, – отмахивается Ольга Андреевна и задумчиво тянет. – Надо к Вере сходить, отблагодарить. Всё-таки какой хороший мальчишка этот Олег.

Алёнка хмыкает, но не возражает. Рассказывать матери об их с Гладышевым чокнутом соглашении не хочется. Ольга Андреевна не одобрит. Впрочем, Алёна и сама понимает, что неправильно это – вмешиваться в чужую жизнь. Но, с другой стороны, если друзья этого Бори считают, что так для него будет лучше, то возможно, так оно и есть?

В конце концов, они же всё прекрасно понимают и, если идут на такое, значит, альтернатива в разы хуже. В любом случае, ей надо заботиться, прежде всего, о брате, а не о моральной стороне вопроса. Тем более, что никаких дурных намерений у неё нет.

Успокоив себя этим, Алёна возвращается к прерванному

занятию, чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных дум. Вот только получается из рук вон плохо: пальчики на автомате порхают над тканью, мысли же только о Лёшке: как он, где, с кем?

От волнения и страха Алёнка себе места не находит, в который раз сетуя, что не настояла на своём и не пошла с парнями. Возможно, толку от неё было бы немного, но зато не сходила бы сейчас с ума, теперь же...

Закончить мысль не удастся, ибо раздаётся звонок в дверь. Алёнка подскакивает, как ужаленная и с колотящимся сердцем бросается в коридор, куда уже спешит не менее взволнованная Ольга Андреевна. Переглянувшись, они с шумом втягивают воздух, как перед прыжком, и Алёнка открывает дверь.

– Папа, – выдыхает девушка разочарованно, но Евгений Дмитриевич этого не замечает, будучи слишком уставшим, да и волнует его другое, о чём он, немедленно, высказывается:

– Доча, почему открываешь, не спросив?

– Так я в окно тебя видела, пап, – выкручивается Алёнка и, чмокнув отца в щеку, забирает у него куртку. Ольга Андреевна потихонечку, пока муж не видит, грозит Алёнке пальцем за враньё, но уже в следующее мгновение отличается сама.

– А Лёшка где? – спрашивает Евгений Дмитриевич, направляясь в ванную.

– С друзьями вроде, – рапортует Ольга Андреевна, решив,

что пока не стоит беспокоить мужа.

– А всё-таки яблоко от яблоньки недалеко падает, – журит её Алёнка, когда за отцом закрывается дверь.

– Ой, иди, давай, борщ папе разогревай, – с улыбкой отмахивается мать и отправляется следом за мужем, Алёна же спешит на кухню, накрывать на стол.

Ужин проходит в тишине. Алёнка то и дело поглядывает в окно, высматривая парней, Ольга Андреевна от неё не отстает, Евгений Дмитриевич же клюет носом над тарелкой и сразу после ужина уходит спать.

– Может, тоже приляжешь, а то как завтра работать будешь? – предлагает Алёна, убирая со стола.

– Да я разве усну теперь? – устало отзывается Ольга Андреевна и, тяжело вздохнув, всхлипывает. – Господи, что делать-то?! Может, в милицию позвонить? Время уже столько...

У Алёны тоже на душе кошки скребут, но сейчас не время давать волю эмоциям, поэтому она старается хоть немного успокоить мать.

– Давай, подождём возвращения ребят. Если Лёшки с нами не будет, тогда в милицию пойдём. Иди пока приляг, а то папа проснётся и всё поймёт. Ты же знаешь, как он чутко спит.

– Ладно, душ пока приму, – тяжело вздохнув, кивает Ольга Андреевна и, поднявшись со стула, направляется в ванную.

Глава 10

Алёнка принимается за мытьё посуды, но хватает её только на две тарелки. Не в состоянии она ничем заниматься, от беспокойства внутри всё сворачивается жгутом и дышать становится трудно. Перед мысленным взором проносятся картинки одна хуже другой, и как Алёна ни старается, не может их отогнать. Это до невозможности нервирует, как и собственно бессилие.

Отбросив раздраженно губку, Алёнка подходит к окну и немигающим взглядом начинает сканировать пустой двор, шепча про себя: «Лёшка, только бы с тобой всё было в порядке, только бы ничего не случилось!». Словно в ответ на её молитвы вдалеке возникают три мужских силуэта. Алёне хватает одного взгляда, чтобы узнать походку брата. В ту же секунду сердце делает резкий скачок и начинает колотиться, как сумасшедшее, разгоняя по крови убойную дозу радости и облегчения.

На волне этих эмоций Алёнка сама не замечает, как соскакивает с подоконника и бежит на улицу. Она мчится, как угорелая, перескакивая через ступеньки, едва сдерживая радостный крик, рвущийся из груди. И даже мороз, ударивший в лицо, стоит только открыть дверь подъезда, не остужает Алёнкину голову.

– Лёшка, – задыхаясь от подступивших вдруг слез, бросается она на шею брату, вдыхая родной запах.

Парень охает от боли, Алёнка же испуганно отшатывается, догадавшись, в чём дело и едва сдерживает всхлип, увидев разбитое лицо брата.

– Твари! – выплевывает она дрожащим голосом. В душе поднимается дикая ярость, и Алёна в очередной раз жалеет, что не пошла с парнями. Она бы там задала жару этим ублюдкам. Голыми руками бы разорвала.

– Лёнь, пойдем, ты чего раздетая-то выскочила?! – отвлекает её Лёшка от кровожадных мыслей, натягивая ей на голову свою шапку.

– Тебя увидела, чего же еще?! Мы с мамой извелись. Где ты был? Что случилось? Вы этим уродам-то хоть сдачи дали? Они больше не полезут?

Алёнка собирается задать еще кучу вопросов, но парни одновременно так тяжело вздыхают, что она решает придержать коней.

– Ну, ты и трещотка, – высказывает Миха общую мужскую мысль.

– Пошли, а то простынешь ещё, дома поговорим, – смутившись, бурчит брат, подталкивая её вперед.

Алёнка не стала возражать. Эмоции схлынули, и она начала замерзать. Всё-таки стоять на морозе в спортивном костюме и одних носках – та ещё прелесть.

Видимо, Гладышев приходит к тому же выводу.

– Запрыгивай, давай, на спину, дотащу тебя, – предлагает, точнее – распоряжается он.

Алёнка хочет отказаться от столь «любезного» предложения, но, сообразив, что это, как раз, тот самый случай, когда нужно дать мужчине проявить себя, решает не спорить.

– Ничего себе! – охает Олег, когда она запрыгивает ему на спину.

– Хоть слово о моём весе, и ты-покойник, – предупреждает Алёнка.

– И в мыслях не было, – клянется Гладышев, наигранно пыхтя, Мишка с Лёшкой смеются. Алёнка показывает им кулак, что еще больше веселит. Атмосфера разряжается, на душе у ребят становится легко. В подъезд они входят с улыбками, где их уже поджидает взволнованная Ольга Андреевна.

– Батюшки мои! – хватается она за сердце, увидев избитого сына и босую дочь.

– Мам, всё нормально, – спешит успокоить её Лёшка.

– Да какое же это нормально?! – шокировано восклицает она. Лёша прижимает её к себе и нежно целует в макушку.

– Всё хорошо, мам, правда. Пацаны помогли, больше такое не повторится, – заверяет он.

Гладышев с Михой поддакивают.

– Ой, спасибо вам, ребята! Не знаю, что бы мы без вас делали! – причитает Ольга Андреевна, по переменки сжимая в объятиях то одного парня, то другого, отчего они оба смущенно улыбаются и, как болванчики, кивают головой.

Алёнка умирает со смеху, наблюдая за этой милейшей картиной. Но вскоре парням-таки удастся вежливо откланяться, и они спешат к Олегу домой.

– Я завтра зайду с утра, поговорим, – шепчет он Алёнке напоследок, что не остается незамеченным для Лёшки.

Алёнка от досады едва не скрипит зубами, зная, что брат теперь от неё не отстанет, будет капать на мозги. И точно... Не успевают они остаться одни, как Лёшка тут же требует ответ.

– Рассказывай, – бросает он, усевшись у неё на кровати.

– Лёш, я спать хочу, – зевает Алёнка, ничуть не лукавя.

– Рассказывай! – с нажимом повторяет Лёша. – О чём вы с этим Олегом договорились? Думаешь, я поверю, что они просто так впряглись?

– Ты лучше рассказывай, как всё было.

– Лёня! – рычит брат.

– Ладно, – закатывает Алёнка глаза, понимая, что не отвяжется. – У него друг в армии, попросил ему писать.

– Зачем это? – скептически отзывается Лёшка.

– Затем, что того бросила девушка.

– А ты причем?

– При том, что я буду писать от лица этой девушки, чтобы он не узнал, что она его бросила, потому что иначе он натворит дел, – тараторит Алёнка, чтобы поскорее с этим покончить. Несколько минут брат переваривает то, что она сказала, а потом качает головой.

– И я должен в это поверить? – резюмирует он, поджав недовольно губы.

– Как хочешь, – разводит Алёнка руками. Конечно, все это звучит, как какой-то сюр, но она что ли виновата, что у этого Гладышева такие отбитые идеи?

– Мне к соседу сходить? – с тяжелым вздохом вкрадчиво уточняет брат, вызывая у Алёнки смешок.

– Сходи, – спокойно отзывается она и опять зевает. – Слушай, давай ты уже пойдешь к себе. Я спать хочу. Главное, что всё теперь в норме, так что можно спать спокойно.

– Как я могу спокойно спать, когда моя сестра решает мои проблемы какими-то непонятными способами? Я ведь тебя просил не вмешиваться! Я бы сам разобрался! – взрывается Лёшка.

– Хватит истерить! Ты бы поступил точно также, если бы был на моём месте...

– Я – твой старший брат, это было бы нормально! Но когда младшая сестра решает проблемы старшего брата – это дичь какая-то.

– Ах, вот что тебя волнует! – взвизгивает Алёнка.

Как же её бесят мужики со своим изнеженным самолюбием!

– Да причем тут это?! – огрызается Лёшка. – Меня волнует, прежде всего, какой ценой!

– Не такой уж и высокой, успокойся уже! Всего лишь письма, Лёша, – чуть ли, не стуча ему по голове, произносит

Алёнка.

– Ты, блин, издеваешься что ли?! – ошарашенно хохотнув, понимает он, что сестра не врёт. – Охренеть не встать!

– Лёша, прекрати выражаться! Что у вас происходит, вы отца хотите разбудить? – раздаётся строгий голос матери.

Лёшка и Алёнка, как по команде, поворачиваются в сторону двери.

– Всё, мам, Лёша уже уходит к себе, – натянуто улыбнувшись, начинает Алёнка толкать брата.

– Никуда Лёша не пойдёт, пока не разберётся, во что ты ввязалась, – ехидно парирует он.

– Что это значит? – тут же хмурится Ольга Андреевна.

– А то, что она собралась писать, не понять кому, разыгрывая, не понять кого, – сдает он её с потрохами.

– Ну, ты и гад, Лёша! – цедит Алёнка и спихивает брата ногой с кровати. Грохот раздается на всю квартиру, за ним следует привет от соседей, шибанувших чем-то тяжелым по батарее.

– Едрить твою налево! – ахает мать, схватившись за сердце. – Вы что творите, паразиты?!

Но «паразиты» не обращают на неё никакого внимания, продолжая пререкаться.

– Дура! – бурчит Лёшка, потирая копчик.

– А ты – стукач поганый! – огрызается Алёнка.

– А не фиг в мои дела свой нос совать!

– А больше и не буду, пусть тебя прибудут, идиота такого!

– Алёна! Лёша! – рывкает Ольга Андреевна, по-настоящему разозлившись. – Ну-ка закрыли рты сейчас же! Отец спит, а они устроили тут разбор полётов! Лёша, живо в свою комнату!

– Мам... – начал было он, но если Ольга Андреевна заво-дилась, то ей лучше было не перечить.

– Живо, я сказала!

Лёша недовольно закатывает глаза и плетется на выход, уже жалея, что не сдержался и сдал сестру. Алёнка же, зная, о чём он думает, злорадно показывает ему язык, шепча вдо-гонку:

– Будешь знать, дурила

– Да иди ты!

– Так, рассказывайте, барышня, что всё это значит? – обрушивается на неё мать, когда за Лёшей закрывается дверь.

Алёна, поняв, что бесполезно уже что-то скрывать, быстро, как и брату несколькими минутами ранее, обрисовывает ситуацию и готовиться к нудным нотациям, но мама почему-то молчит.

Глава 11

– Ой, Алёнка... – вздыхает Ольга Андреевна тяжело спустя какое-то время и качает головой.

Это немое осуждение действует сильнее всяких слов.

– Ну что, мам? – смутившись, раздраженно уточняет Алёнка.

– А ты сама как думаешь?

– Ничего я не думаю.

– Я вижу, что не думаешь. А надо бы! Одно дело просто писать письма, а другое – залезть человеку в душу и играть его чувствами. Ты вроде бы уже большая девочка, должна понимать.

– Мам, ну, не преувеличивай, – просит Алёнка. – Не собираюсь я его чувствами играть.

– А как это называется? – резонно замечает Ольга Андреевна. – Ты лезешь в самое сокровенное – в мир двух людей. Каждая пара ведь – это особая вселенная.

– Мам, ты хочешь, чтобы Лёшку всё время так прессовали? – устав от давления на совесть, спрашивает Алёна. Она и без матери всё прекрасно понимает, но не собирается больше трястись в ожидании новостей, сходя с ума от бессилия.

– Конечно, не хочу, – соглашается меж тем Ольга Андреевна.

– Ну, вот и всё, – подводит Алёнка итог и прежде, чем мать успевает возразить, спешит пояснить. – Для меня выбор заключается только в этом, и я его сделала. В конце концов, я не собираюсь причинять парню вред. Напротив, хочу помочь уберечь его от ошибки. Да, возможно, не самым честным путём, но у меня нет дурных намерений, также, как и у его друзей. Ты же знаешь, я бы никогда не согласилась, если бы меня попросили о чём-то, что могло бы навредить человеку. Конечно, парню будет неприятно, когда он всё узнает, но я также, как и его друзья считаю, что лучше пусть будет неприятно, чем куча неприятностей.

– А я считаю, что ему не помешает научиться контролировать свои эмоции. Эта ситуация, как раз, бы ему в этом помогла. Ошибки иной раз полезны, – назидательно замечает Ольга Андреевна.

– А иной раз они ломают жизнь, – резонно возражает Алёнка, на что Ольга Андреевна только усмехается.

– И всё же подумай, прежде чем ввязаться в это дело, – советует она напоследок, целуя Алёнку в щёку. – Спокойной ночи, солнышко.

– Спокойной ночи, мамуль. Прости, что не дали тебе нормально отдохнуть.

– Ничего, я уже привыкла, – улыбается Ольга Андреевна и, выключив свет, покидает комнату дочери. Алёнка же, закрыв глаза, тут же засыпает, вымотанная напряженным днём.

Утром её будит настойчивый звонок в дверь. Дома в этот час уже никого нет, поэтому можно даже не надеяться, что кто-то откроет. Вспомнив, что должен зайти Гладышев, Алёнка нехотя поднимается с кровати и, накинув халат, направляется открывать дверь.

– Привет! Спишь что ли ещё? – неприлично-бодрым голосом удивляется Гладышев.

– Привет! Проходи, я пока умоюсь, – бросает Алёнка и спешит в ванную. Вернувшись же, обнаруживает, что Олег так и стоит в прихожей.

– А ты чего не прошёл? – недоуменно спрашивает она.

– Да времени нет. Я на днях на Север уезжаю, дел много, – сообщает он и протягивает ей небольшую коробку. – Это кое-какие Борькины письма. Прочитай, чтобы примерно понимать, какой он, и о чём они с Машкой говорили. Я там тебе написал на листке, что тебе нужно знать, так что разберёшься.

– А как вообще мы будем, если ты уезжаешь? – опешив от такого поворота событий, смотрит Аленка на коробку во все глаза. Она рассчитывала, что Гладышев будет курировать её заметки. Более того, писать вместе с ней, а тут такая подстава.

– Я пришлю тебе свой адрес, как обустроюсь. Если что, пиши, а вообще Миха будет к тебе заходить пару раз в неделю. По всем вопросам обращай к нему. Он и за Лёхой приглядит, – спешит успокоить её Олег.

– А как быть с почерком, у меня левая рука? И вообще, с чего начать? А с адресом что делать? – начинает паниковать Алёнка. Она не ожидала, что всё целиком и полностью ляжет на неё.

– Алён, не нагнетай. Скажи, что сломала руку и переехала. Машка давно собиралась, так что Борька не удивится. Месяц молчания тоже объясни переездом, сломанной рукой, ну, и в таком духе.

– И ты думаешь, он на это купится?

– Купится. Все стараются верить в лучшее и не замечать того, что может не понравиться.

– И ты тоже, как я понимаю, – иронизирует Алёнка, надавив на больную мозоль.

– Не в бровь, а в глаз, – невесело усмехается Гладышев, ибо он действительно верил, что Борька поймёт.

– Хорошо, я попробую.

– Напиши сегодня, чтобы я прочитал и написал своё. Надо же, чтобы наши истории не расходились.

– Ладно, я постараюсь.

Гладышев кивает и направляется на выход, но у самой двери останавливается и предупреждает:

– Не вздумай бросить, Алён! Если взялась, то доведи это дело до конца. Не хочу говорить тебе «иначе», ты мне нравишься, но, если подведёшь, я тебе это «иначе» покажу.

– Я поняла, – спокойно отзывается Алёнка.

Конечно, получить такое напутствие не очень приятно, но

она действительно понимает опасения Олега, поэтому не видит смысла воспринимать его в штыки.

Прощавшись, девушка спешит в свою комнату, где сразу же открывает коробку. Сверху лежит листок, на котором расписаны значимые даты: дни рождения, день встречи, день призыва; клички; имена; приметы и всё в таком духе. Бегло ознакомившись с характеристикой, Алёнка начинает смеяться.

Ей до сих пор не верится, что она согласилась на эту авантюру, но рассудив, приходит к выводу, что в её унылую жизнь не помешает добавить немного безрассудства. Пожалуй, это будет даже интересно.

Успокоив себя, Алёнка принимается за изучение писем Бори Шувалова. Почерк у него кошмарный. Она тратит не один час, чтобы разобраться, о чём вообще речь, при этом насмеявшись на целую жизнь вперед, хотя на самом деле, ничего смешного в прочитанном нет, напротив, грустно даже.

Прочитав больше половины, Алёна понимает, что Машка Скопичевская – законченная эгоистка, к тому же не отягощённая умом. Все разговоры так или иначе сводились к её глупым проблемам и каким-то левым людям, про которых она, видимо, писала. Зато о себе Боря практически ей ничего не рассказывал и, судя по всему, Машку устраивал такой расклад.

Алёну всё это до глубины души поражает и, чем больше она читает, тем больше негодует.

Как можно любить такую, простите, дуру? А то, что эта девица-дура, Глазкова с каждым письмом убеждается всё больше и больше. Один «Юсик» чего стоит.

Когда Алёнка в одном из писем обнаруживает фотографию Шувалова, то и вовсе выпадает в осадок. Назвать ТАКОГО brutального парня «Юсик» даже в шутку – это надо быть совсем ку-ку.

Если объективно, то красавцем Боря не был, все черты у него были грубые: широкий нос, квадратная челюсть, нижняя губа полнее верхней, взгляд исподлобья, торчащие уши... В общем, лицо из-под топора, как любила говорить Алёнка, но эта обаятельная полуулыбка и тёплый, будто всё про тебя знающий взгляд с хитринкой, делали грубоватое лицо невероятно-притягательным, цепляющим. И Алёнка не могла оторвать взгляд. Смотрела в искрящиеся весельем, зеленые глаза и чувствовала непреодолимое желание улыбнуться в ответ.

Такой её и застаёт Ольга Андреевна – зависшей над фотографией с загадочной улыбкой на губах.

– Всё – таки решила писать? – резюмирует она. Алёнка вздрагивает и поспешно сует фотографию в коробку.

– Решила, – покраснев, кивает и, засуетившись, достает тетрадь и ручку, чтобы как-то скрыть смущение.

– Ой, Алёнка, попомни моё слово, добром это не кончиться! Парень вернется и, в первую очередь, тебе голову открутит за такие шутки, – предпринимает Ольга Андреевна по-

следнюю попытку образумить дочь.

– Не переживай, мамуль, в списке на откручивание головы я иду далеко не первая. И вообще он мне спасибо ещё должен сказать. Вживаться в его блажную шлëndру будет той еще прэлезтью, – морщит Алёнка носик.

– О, он тебе скажет, не сомневайся! – предрекает Ольга Андреевна.

– Не понимаю, как можно любить такую дуру, она же только и делает, что ноет?! – не обращая внимания на замечание матери, возмущается девушка.

– Вот встретишь, Алёна, того самого и поймёшь, что для любви причины не нужны. В том и заключается её феномен: самый обычный и далеко неидеальный человек становится вдруг самым лучшим на свете.

– Это называется – самообман.

– Нет, никто не обманывается, а любит человека таким, какой он есть – со всеми его недостатками. И знаешь, я тут подумала, если этот парень действительно любит свою девушку, то он тебя в два счёта вычислит.

– Ну, вот и проверим, настоящая ли «принцесса», – помедлив, усмехается Алёнка, хотя внутренне напрягается, не уверенная, что сможет спрятать «горошину» под матрасами слов.

Глава 12

– Э, Шувалов, ну-ка оделся щас же! Тебя еще в медчасти не хватало, скоро в море выходить. Достали по госпиталям гаситься! – кричит дневальный.

Борька, спохватившись, что выскочил в одной футболке, едва сдерживает мат и возвращается в казарму.

– Всё, Санёк, не кипи, – примирительно бросает он, широкими шагами пересекая центральный проход. Под кожей зудит нетерпение и в то же время диафрагму сводит судорогой от волнения, настолько сильного, что кажется, еще чуть-чуть, и руки, как у алкаша, дрожать начнут при виде рюмки.

Схватив с сушилki бушлат, Шувалов на ходу натягивает его, даже не замечая, что он совершенно не просох. Пока идет по ЦП, вслед несутся шутки сослуживцев, знающих, что он, наконец, получил письмо от «своей ненаглядной», но Борьке сейчас плевать, каким придурком он себя выставляет.

Не до понтов ему. Все мысли заняты прожигающим карман письмом.

Как только в обед выдали почту, для мира Борька стал потерян. Увидел на конверте Машкину фамилию, выведенную размашистым, незнакомым почерком и едва не нарушил устав, чуть не поддавшись желанию сбежать с учений.

Неизвестность и дурное предчувствие шарахнули прямо под дых. Борька то и дело порывался вскрыть конверт в коротких перерывах между занятиями, но тут же одергивал себя, напоминая, что не время и не место.

Однако, добравшись, наконец, до облюбованного с начала службы, уединенного местечка, садится на покосившуюся лавку и, достав письмо, никак не может решиться прочитать его. Сверлит воспаленным взглядом чужую, почти каллиграфическую вязь, и не знает, что думать. Точнее – знает и даже почти уверен, да только верить не хочется. Совсем не хочется, иначе окончательно башню сорвет. Он эти полтора месяца-то еле как продержался. Метался, словно запертый в клетке зверь, сгорая от ожидания, накручивая в голове всякое. А теперь, если узнает наверняка... О, держите его семоро!

Стиснув до скрежета зубы, Шувалов втягивает с шумом промозглый, соленый воздух и тут же с шумом выдыхает, настраиваясь на неизбежную правду.

«Сейчас бы намахнуть, чего покрепче», – проскакивает малодушно, но Борька тут же отвечает себе мысленного леща. В конце концов, сколько можно соплежуйством заниматься? Не он первый, не он последний, более того, классика жанра.

Как и всякий влюбленный дуралей, он с какого-то перепугу решил, что они с Машкой особенные, что не такая она, хотя объективно всё понимал и видел. Знал Машкины недо-

статки и слабости, но все же почему-то надеялся, что любовь окажется сильнее. Увы, не в их случае.

Эта мысль вызывает злость. Немедля больше, Борька решительно вскрывает конверт, да только ухватив краем глаза «Дорогой Боря...», написанное все тем же, чужим почерком, чувствует, как внутри стягивает в ледяную пружину.

Отбросив письмо, Шувалов, словно ужаленный, вскакивает с лавки и, прикусив губу, начинает расхаживать взад-вперед, пытаясь усмирить вспыхнувшую яркой вспышкой боль и ярость.

Это чуждое, полное официоза «Дорогой Боря...» вместо «Любимый» или «Юсик», не оставляет сомнений, что Машка его кинула. Наверное, он бы даже не стал дочитывать ее проклятое письмо, наверняка перегруженное соплями и оправданиями, но вопрос, почему оно написано другим человеком, озадачивает и беспокоит.

Пройдясь еще несколько минут туда-сюда, Шувалов все же пересиливает себя и, приготовившись к неизбежному, снова принимается за чтение, надеясь, расставить все точки над «і».

«Дорогой Боря! Знаю-знаю))) Слишком торжественно звучит, да и почерк тебя наверняка смущает, но давай оставим так, ладно? Я потратила весь вечер, пытаясь решить, как лучше начать это письмо и уже перепортила кучу бумаги. Боюсь, если так и дальше пойдет, нашим Сибирским лесам придется сильно поредеть, пока мы тебя из ар-

мии дождемся))»

У Борьки вырывается ошарашенный смешок. Сказать, что после такого начала у него глаза на лоб лезут – не сказать ничего. Он ни черта не понимает и Машку свою не узнает, но внутри, тем не менее, вспыхивает слабенький огонёк надежды, разгорающийся с каждой прочитанной строчкой все сильнее и сильнее.

«Ты, наверное, сейчас очень удивлен и обеспокоен, но выдохни, пожалуйста. Все в порядке. Уже в порядке... Прости, что так долго не отвечала и заставила поволноваться. Наверняка ты уже надумал всякого... Хотя чего я спрашиваю?! Конечно, надумал. Вот я бы на твоём месте точно надумала. Ну, знаешь же меня))»

Борька понимающе хмыкает. Что есть – то есть. Машка действительно та еще мозгоклюйка, правда, обычно не признает этого, да и с самоиронией у нее туго, теперь же... Шувалов не знает, чем обоснованы столь заметные перемены, и они ему с одной стороны нравятся, а с другой – вызывают еще больше вопросов, сомнений и беспокойства.

Что, черт возьми, там происходит? – клокочет у него внутри. И словно в ответ на его мысли, Машка пишет:

«Всё, что ты сейчас накручиваешь в своей голове – глупости, Борь. Выкинь их, пожалуйста, оттуда и не злись на меня, я тебе сейчас всё объясню. Правда, даже не знаю, с чего начать. Столько всего произошло, до сих пор не верится. Ну, начну, наверное, с того, что тебе не дает покоя в

первую очередь – с почерка. Собственно, отсюда все пошло и поехало. Как я тебе уже говорила в прошлом письме, маму снова уволили с работы, и она снова запила, но в этот раз очень сильно. Дошло до того, что я пришла с работы и обнаружила у нас в доме шалман. Борь, ты только не дури, ладно? Все уже в прошлом...»

На этом месте у Борьки внутри всё переворачивается, он даже не замечает, как вновь поднимается с лавки, и начинает расхаживать взад-вперед, выпадая в осадок всё больше и больше по мере чтения.

«Я знаю, я – дура, хотя для тебя это, конечно, не секрет») Ты меня сейчас будешь ругать последними словами и будешь прав, но в тот вечер я была такой уставшей, Борь, такой злой и загнанной в угол, что ни о чем не могла больше думать, кроме как поскорее остаться одной. В общем, я взорвалась и попыталась разогнать всю эту компанию.»

Борька с шумом втягивает воздух и запрокидывает гудящую голову, живо представляя свою девочку в кучке упившихся до поросычьего визга утырков.

Господи, дай ему сил! Эта проклятая необходимость торчать за тысячу километров, когда его Машка в такой ситуации, сводит его с ума. Хочется махнуть на все рукой и послать эту гребанную армию по известному маршруту из трех букв. И в следующее мгновение его накрывает таким бешенством, что он готов и в самом деле уйти в самоволку, стоит

только прочитать, что какой-то алкаш кинулся на Машку, и спустил ее с лестницы, после чего она попала в больницу с сотрясением и сломанной рукой.

«Как ты понимаешь, я просто физически не могла тебе написать. Да и не хотела, если честно, Борь. Я ведь тебя знаю, ты бы не выдержал, примчался и создал бы себе кучу проблем, а я так устала от проблем! Если бы ты только знал, как я устала...»

Эти, пропитанные придушенным отчаянием, строки действует на Борьку отрезвляюще. Ему вдруг становится до невозможности стыдно за свои идиотские, мелочные подозрения. Его Машка выживает там, как может, а он тут со своей глупой ревностью. Ну, не идиот ли?

Дальнейший ее рассказ о том, как «козел-начальник» не дал ей больничный и уволил, наплевав на закон, просто придавливает к земле. Наверное, Шувалов только сейчас в полной мере осознает, насколько тяжело Скопичевской приходится. Ведь у нее никого, по сути, нет. Ни родителей добрых, ни настоящих друзей, ни какой-никакой финансовой подушки. Пожалуй, если бы она вильнула хвостом и подыскала себе спонсора, это даже можно было понять, но она ждала его. А он... Вот, что он может сделать, запертый тут, как в тюрьме?

Сбежал бы, да только от этого больше проблем, чем пользы. Как вариант, можно было, конечно, матери написать, попросить, чтобы взяли с отцом под свое крыло Машку, так ведь мать ни за что не согласится, и ее понять можно. Но от

отчаяния Борька готов на все. Собственное бессилие просто убивает.

Никогда еще Шувалов не чувствовал себя таким беспомощным и так остро не ощущал, что ему всего восемнадцать, и он – никто, и ничто пока в этом мире, особенно, когда Машка начинает в своем письме с оптимизмом заверять, что нет худа без добра.

Она рассказывает, что все это время в больнице училась писать левой рукой, а также подружилась с одной девочкой-медсестрой, которая вместе с подругой искала третьего человека, дабы потянуть аренду за квартиру.

Ничего не тая, Маша признается, как, несмотря на огромное желание уйти от матери, ей стало страшно и, наверное, она не пересилила бы этот страх, если бы не Гладышев.

Оказывается, друг нашел им квартиру в своем доме на первом этаже, которую соседи никак не могли продать, а после дал Машке денег на первые два месяца, пока она не найдет работу.

Читая слова благодарности в адрес Олега, Боре начинает казаться, что мир сходит с ума. Чтобы Скопичевская сказала «спасибо» Гладышеву? Сюр какой-то. К счастью, через пару строк всё возвращается на круги своя, и она уже всю обзывает его «высокомерным придурком» и «надутым индюком», жалуясь, какой разнос он ей устроил из-за ее молчания, а ведь она, как раз, собиралась все рассказать и объяснить.

«Борь, ты прости меня, пожалуйста, что столько вре-

мне молчала! Знаю, надо было кого-то попросить написать тебе, как-то успокоить, возможно, даже соврать. Но я была в таком состоянии, особенно, первые две недели, что хоть вой, да и ты наверняка еще больше начал бы беспокоиться, а то и вовсе примчался бы домой, поэтому вот так все получилось. Глупо очень. Уверена, ты на меня ужасно злишься и правильно делаешь. Я и сама считаю, что большей дуры свет не видывал, но уж какая есть)) Знаешь, у меня в больнице была куча времени о многом подумать, и я кое-что пересмотрела в своей жизни, в себе и... В общем, я тебя, наверное, еще ни раз удивлю, но надеюсь, что в приятную сторону. А пока, давай, уже заканчивать говорить обо мне. Поверь, у меня все хорошо. Гипс немного создает дискомфорт, но девочки относятся к моему состоянию с пониманием и пока справляются с домашними делами без меня. Единственное, что беспокоит – как быть с работой. Впрочем, еще есть время, чтобы что-то придумать, и я обязательно придумаю, Борь. Не переживай! Расскажи лучше о себе, о сослуживцах, что вы там делаете, что изучаете...

Как вообще обстановка? Я очень надеюсь, что у тебя все хорошо и нет никаких проблем. Одевайся теплее, береги себя и не сомневайся, я жду тебя, очень – очень жду, Шувалов, и ужасно скучаю.

С любовью твоя Маша.»

Перечитав дважды последние строки, Борька тяжело сглатывает. Ни одно письмо за прошедшие полгода не вызывало

у него такого смятения и сумбура. С одной стороны все вроде бы складно и ладно, логично даже, но с другой – что-то не дает покоя.

Шувалов не узнает свою Машку. Все ее действия и слова идут вразрез с его представлением о ней.

До вечера он вновь и вновь перечитывает ее письмо, пытаясь за что-то зацепиться, найти, в чем же подвох. Но выучив наизусть каждую строчку и задубев во влажном бушлате, возвращается в казарму все с теми же вопросами и сомнениями. Ночью они набрасываются на него, словно стая оголодавших волков.

Промаявшись до рассвета, Борька все же приходит к выводу, что либо Машка зачем-то врет, либо он вообще не понял, в какую девушку влюбился. Однако узнать правду можно, только дождавшись письма от Олега.

Вот уж кто-кто, а Гладышев врать не станет. Друг придерживался твердой позиции – лучше горькая правда, чем сладкая ложь, поэтому Боря даже не сомневается, что он непременно откроет ему глаза, особенно, если дело касается Машки.

К счастью, письмо от Гладышева долго себя ждать не заставляет. Приходит буквально на следующий день. И каково же Борькино удивление, когда друг пересказывает ему все тоже самое, что и Машка, присовокупив к рассказу свое мнение о Скопической и ее недалекости.

Читая Гладышевские ядовитые замечания, Шувалов

обалдело чешет затылок и понимает, что ни черта не понимает. Проскакивает шальная мыслишка, что может и Гладышев врет, но Боря тут же отмахивается от нее. Друг бы никогда не стал проворачивать делишки за его спиной, тем более, со Скопичевской. Не про Гладышева такие интриги.

Но тогда что же получается? Он совсем свою Машку не знает?

Видимо, совсем. Да и надо признать, накрутил себя, настроил, что бросила, а оно вон как бывает.

Перечитав по десятому кругу ее письмо, Шувалов чувствует, как постепенно его начинает отпускать. Он все еще не может безоговорочно принять Машкины оправдания, но пьянящее облегчение и желание верить в лучшее уже делают свое дело.

Глава 13

– Ну, наконец-то, – выдыхает Алёнка, когда классный руководитель объявляет, что они отлично справились с работой и могут быть свободны.

Немедля ни секунды, Глазкова спешит в раздевалку, чувствуя, что еще чуть-чуть, и настроение будет окончательно уничтожено. Впрочем, от него уже толком ничего не осталось. А всё эти проклятые обсуждения одноклассников новогодней вечеринки, на которую Глазкову, естественно, никто не удосужился позвать.

Не то, чтобы Алёнке сильно хотелось, но всё же было мало приятного в течении часа, пока они украшали класс, слушать все эти разговоры и ловить косые взгляды, в которых отчетливо читалось «ты здесь лишняя». Сколько Глазкова ни убеждала себя, что ей плевать, а все равно цепляло, заставляя чувствовать себя какой-то неполноценной и бесконечно-одинокой. Это бесило и вызывало досаду. В преддверии Нового года хотелось совершенно иных эмоций.

Раньше Алёнка обожала предпраздничную суету: покупку подарков, обсуждение праздничного меню, нарядов, школьной Елки, и где они с друзьями встретятся после боя курантов, чтобы запустить салют и сходить на горку. Алёнка всегда с нетерпением ждала середины декабря, когда весь

город начнет сверкать разноцветными огоньками гирлянд, пробуждая в душе предвкушение чего-то чудесного. Теперь же перспектива провести новогоднюю ночь с родителями у телевизора омрачала и без того не лучшее настроение. Алёна, конечно, в силу возраста и характера старалась не унывать, но в такой обстановке это было сложновато.

Если бы только мама отпустила ее в родной город к бабушке с дедушкой и друзьям, но нет. Ольга Андреевна, насмотревшись новостей и наслушавшись рассказов про беспредельных братков, теперь не отпускала дочь даже на улицу после восьми, что уж говорить про другой город.

Вот и получалось, что все Алёнкины ожидания свелись к письму от Бори Шувалова. Она страшно переживала, что ничего из их с Гладышевым затеи не выйдет и в тоже время боялась, что все получится, и ей придется играть эту в высшей степени странную роль.

Господи, как же она намучилась с первым письмом! Вопреки собственной убежденности, изображать зацикленную на себе страдальцу оказалось не так уж легко. Алёнка посыпалась буквально на первой же строчке, не в силах назвать парня ни интимным «любимый», ни уж тем более, глуповатым «Юсиком».

Глазкову передергивало каждый раз от этой идиоткой клички, да и от Машки в целом. Однако, поначалу Алёнка все же решила не рисковать и придерживаться стиля этой девицы: сухой пересказ событий, немного нытья, жалоб и жа-

ления себя любимой. Правда, перечитав сей опус и последнее письмо Бори, поняла, что такой парень достоин чего-то большего, поэтому добавила немного тепла, юмора и заботы. В тот момент это казалось таким правильным, что никакие доводы рассудка не смогли переубедить ее. Но стоило отправить письмо, как на нее тут же нахлынули сомнения, и с тех пор не отпускали вот уже полторы недели.

Поверил? Или почувствовал подлог? – задавалась она вопросом, проверяя каждый день пустой почтовый ящик.

Этим же вопросом она задается и сейчас, выходя из школы, с едва заметной улыбкой втягивая наполненный морозной свежестью воздух. После школьной духоты с ее склочной атмосферой, мороз оказывает поистине очищающий эффект. На душе сразу становится светлей и веселей.

Словно скинув с плеч десять килограмм, Алёна бодрым шагом пересекает школьный двор и спешит в кондитерскую за своим любимым, шоколадным батончиком с марципаном. Предвкушая терпкий вкус миндаля, она не сразу замечает незваного провожатого, пока он в отличие от нее, не продолжает свой путь, не обращая внимание на красный свет светофора.

У Алёнки сердце едва не выпрыгивает из груди, когда тощий, уже подросток, но все еще щенок выбегает на дорогу, и улицу оглашает истеричный гудок клаксона, и визг шин.

Перепуганный малыш, поджав хвост, растерянно замирает, но к счастью, загорается зеленый свет.

Алёна, немедленно, бросается к дворняжке и, подхватив на руки, спешит унести подальше от дороги. Вслед ей летит отборный мат водителей, решивших, что это ее собака.

Перепуганная не меньше щенка, Глазкова добегает до дома и, только очутившись в родном дворе, понимает, что не знает, что делать дальше. Зато щенок, не растерявшись, начинает облизывать ей лицо, будто спеша задобрить до того, как она решит, что он ей не нужен.

– Эй, приятель, прекрати, – рассмеявшись, опускает Алёнка предприимчивого малыша на заледенелую лавку.

Тощие лапки помеси овчарки с лайкой начинают дрожать от холода, а карие глаза наполняются такой грустью, что у Глазковой сжимается сердце.

– Ну, и что мне с тобой делать? – вздыхает она тяжело.

Малыш, несмотря на холод, радостно виляет хвостиком и, наострив ушки, с надеждой смотрит на Алёнку. И она знает, что не сможет оставить его на улице в мороз также, как знает, что мама ни за что не позволит ей держать собаку в квартире, тем более, большую. Но, возможно, получится уговорить ее дать время, чтобы подыскать щенку хозяев.

Загоревшись этой идеей, Алёна облегченно выдыхает, и с улыбкой снова берет щенка на руки.

– Не волнуйся, красавчик, я обязательно тебя пристрою, – обещает она ему, на что он отвечает ей очередной, щедрой порцией обожающих поцелуев, вызывая у нее смех и окончательно стирая весь негатив прошедшего дня.

Так, смеясь и уворачиваясь от вытянутой мордочки нового друга, Алёнка заходит домой.

– Ты опять за старое, – вместо приветствия, усмехается Лёшка, встречая ее в прихожей.

– А что, надо было его на морозе бросить?

– Это не ко мне вопрос, ты знаешь маму. Она тебе не позволит его оставить.

– Ну, это мы еще посмотрим, – парирует Алёнка на чистом упрямстве, готовая защищать малыша до последнего. Брат на ее заявление только тяжело вздыхает, но устоять перед искренним, щенячьим дружелюбием не может.

До прихода родителей они с Алёнкой, как два маленьких ребенка, не отходят от неугомонного счастливчика. Кормят, купают, играют с ним и даже пытаются обучать командам. Однако, стоит только Ольге Андреевне переступить порог дома и заметить жизнерадостного наглеца, уже облюбовавшего ее тапки, как идиллии приходит конец.

Весь вечер квартиру Глазковых наполняют повышенные голоса и неутихающие споры, но в итоге все заканчивается строгим предупреждением:

– У тебя неделя, Алёна, чтобы его пристроить, иначе пойдешь из дома вместе с ним.

С этими словами Ольга Андреевна капитулирует с полубоя, раздраженно хлопнув дверью своей спальни. Алёнка же, подхватив щенка, со счастливой улыбкой начинает кружиться, заверяя его и себя, что все будет хорошо.

Ближе к ночи эмоции утихают, и Глазкова, спохватившись, вспоминает, что так и не проверила почтовый ящик. Не в силах ждать до утра, девушка выскальзывает на свой страх и риск из квартиры, и мчится за почтой, предчувствуя удачу. И на сей раз интуиция ее не подводит.

Открыв железное дно ящика, на руку ей выскальзывает белый конверт, от которого внутренности сводит судорогой. Фамилия Маши, выведенная неразборчивым почерком, ничуть не успокаивает.

Дрожа от волнения, Алёна потихонечку возвращается домой, в свою комнату, где ее радостно встречает ушастенький найденыш. Он ластиться, прыгает и виляет хвостом, но Алёнка сейчас не в том состоянии, чтобы уделить ему внимание. Мимоходом почесав его между ушами, она садиться на кровать и судорожно втягивает воздух, сжимая белый конверт.

Как ни странно, щенок, будто все понимая, садиться напротив и, слегка склонив голову набок, смотрит на нее умными, любопытными глазками.

– Ну, что, будем читать, ушастик, – тяжело вздохнув, разворачивает Аленка письмо и, прикусив губу, пробегает глазами по первым строчкам.

«Дорогая Маша!)))) Думаю, нашим Сибирским лесам все же придется изрядно поредеть до моего дембеля, поскольку я тоже испортил кучу листов прежде, чем начать это письмо.»

У Алёнки невольно расцветает улыбка на губах и становится так тепло на душе от этой искренности и капельки смущения, сквозящего в Бориных строках. Словно в подтверждение ее ощущений, он пишет:

«Смешно, но чувство, будто не полтора месяца тебя не слышал, а вообще только-только познакомился. Странно все как-то. Не знаю, Манюнь, не могу описать свои эмоции. Я ведь и правда, накрутил всякого... Думал, что всё)) А теперь чувствую себя таким придурком. Прости, малышка!»

Это сожаление Алёнку резануло. С досадой закатив глаза, она отложила письмо и откинулась на спинку кровати, сверля раздраженным взглядом потолок. Последнее, чего ей хотелось, это реабилитировать Машку Скопичевскую в глазах Бори и вызвать у него чувство вины. Не хватало еще, чтобы этот парень извинялся перед такой вертихвосткой. Но поздно, Шувалов не просто извинялся, он места себе не находил от беспокойства за ее судьбу, за то, что ничем не может помочь и заперт в армии, как в тюрьме. Он чувствовал себя в ответе за нее и сходил с ума от собственного бессилия. Каждое его слово было пропитано заботой и любовью. Он ругал Машку за глупый порыв и в то же время гордился ее решительностью: тем, что она нашла в себе смелость уйти от матери, и жить самостоятельно.

Читая все это, Алёнка едва сдерживает страдальческий стон, только сейчас в полной мере осознавая справедливость маминых предупреждений.

Она ведь и в самом деле играет чувствами человека и нагло лезет в его жизнь. Он ей поверил: поверил, что его ждут, любят, что о нем заботятся тогда, как ничего из этого нет и не будет.

Как он почувствует себя, когда узнает правду? Каково будет его разочарование и злость? Разве это справедливо? Разве он заслуживает к себе такого отношения, как со стороны девушки, так и со стороны друзей?

– Что мне делать, ушастик? – вопрошает Алёнка, понимая, что ввязываться в эту затею было совершенно неправильно, но и дать сейчас заднюю – тоже не выход.

Она продолжает читать, и ноющее ощущение внутри с каждым словом становиться все сильнее и сильнее. Боря рассказывает о себе, что его определили в штурманскую боевую часть, и что через десять дней он выйдет в море, чему очень рад, ибо в учебке уже надоело, хоть и сослуживцы ему попались с хорошим юмором и без заскоков. Он рассказывает, как они прикалываются друг над другом и командирами, и Алёнка не может сдержать смех, живо представляя происходящее.

«У меня всё хорошо, Манюнь, пацаны нормальные попались, да и прапоры тоже. Единственное – не могу избавиться от чувства, что просто просираю здесь время. Всё это такая фигня. Сейчас бы с радостью поехал на Север с Гладышевым хотя бы на год. Подзаработал бы нам денегжат на первое время, да и ты могла бы поехать со мной. А те-

перь... даже не знаю, Маш, как быть. Уже который день ломаю голову. Ты напиши мне сразу, как получишь письмо, какие вообще варианты есть по работе, чтобы ответ успел прийти до выхода в море, а то потом фиг знает, когда передадут почту. Если ничего не найдешь, я напишу матери, попрошу помочь хотя бы продуктами. А дальше вернусь из плавания и решим, как быть. Ты только не геройствуй больше, Маш, и от меня ничего не скрывай. Я, конечно, бываю придурком, но не настолько, чтобы создать нам еще больше проблем. Мне главное, чтобы у тебя все было хорошо, Манюнь. Так что прекращай дурить и думать за меня. Сдуть пылинки и оберегать – моя забота. Прости, что тебе приходится справляться со всем этим дерьмом в одиночку. Если бы я мог, ты знаешь, я бы все для тебя сделал. Я люблю тебя, мальшика, очень сильно люблю!

Твой Боря.»

Алёнка тяжело сглатывает, смахивая подступившие вдруг слезы, ибо даже не сомневается, что так и было бы – он бы сделал всё. Всё для эгоистки, которая никогда не оценила бы, ибо для таких, как она значение имеет «сколько» и «что», а не то, что для кого-то это всё.

И почему хороших парней всегда тянет на таких девчонках? Разве не хочется шагать по жизни рука об руку, строить общие мечты и достигать их совместными усилиями? В чем тогда смысл быть парой, если все приходится делать самому?

Алёнка искренне не понимает этого, но очень хочет, чтобы однажды кто-то полюбил ее также, как Боря свою Машку. Как же всё-таки обидно за него.

– Да-а, встряли мы с тобой по самое не балуй, ушастик, – перечитав еще раз письмо, резюмирует Алёнка и помогает щенку забраться на кровать. Тот сразу же принимается за своё и облизывает Аленкино лицо, вызывая у нее очередной приступ смеха. – Фу, ну прекрати. Прекрати, я тебе говорю.

Несколько минут уходит на то, чтобы уговорить любвеобильного малыша, а после Глазкова снова возвращается к насущным проблемам.

– И все же, как мне быть, ушастик? Я так не хочу его обманывать.

Ушастик, улегшись к ней под бок, начинает активно вилять хвостом, словно одобряя ход ее мыслей.

– А может и не обманывать? – продолжает она рассуждать. – Ну, или хотя бы по возможности. Он ведь со мной искренен, почему бы и мне не быть с ним такой в рамках всей этой затеи? Как считаешь, ушастик? По-моему, мы могли бы стать друзьями.

Ушастик дает исчерпывающий ответ, лизнув ее в нос. Хотнув, Алёнка чмокает его в ответ и, взяв тетрадь с ручкой, принимается за очередное письмо, решив, что больше ничего выдумывать не станет, а просто подгонит свою жизнь под Машкины реалии.

Так Ольга Андреевна стала Олей – той самой девоч-

кой-медсестрой, отец – парнем Оли, а Лёшка – подружкой Оли. Школа превратилась в литейно-механический завод, на который Машка устроилась метрологом, и где коллектив оставлял желать лучшего, а курсы кройки и шитья Скопичевской только предстояло освоить, как только снимут гипс.

В общем, Машку ждали серьезные трансформации, а Борю сюрпризы, но, по крайней мере, в этом было хоть что-то правдивое и, хотя Алёнкину совесть это ничуть не успокаивало, все же на душе стало гораздо легче, когда она смогла поделиться не мифическими проблемами мифической Машки, а своими собственными.

Поначалу было немного неловко писать про не самый теплый прием «заводчан», но потом Алёнку, будто понесло. Она рассказала про то, что чувствует себя одиноко и не в своей тарелке на новой «работе», не обошла вниманием Борькино письмо, расспросив подробнее о ребятах, с которыми он общается, о распределении. Поделилась впечатлениями о новом, просмотренном фильме и, конечно же, рассказала о своей «головной боли» – ушастике, которого «хозяйка квартиры» требовала отдать в самое ближайшее время. Несмотря на то, что позитивного в ее житие -бытие было по большому счету не больше, чем у Машки, Аленка постаралась подать это все с юмором и оптимизмом, посмеиваясь над своими неудачами и заверяя Шувалова, что в целом она справляется, поэтому он может быть абсолютно за нее спокоен.

Закончив письмо поздравлениями с Новым годом, ран-

ним утром она мчится на почту, надеясь, что ее откровения успеют дойти до того, как Борька уйдет в море.

Следующую неделю все ее мысли заняты Ушастиком. Она везде и всюду после школы развешивала объявления, но никто так ни разу и не позвонил. Мама капала на мозги, что непременно выгонит ее на улицу вместе с этой «животиной», если до конца недели он не будет пристроен. Поскольку Ольга Андреевна уже не первый раз выставляла Алёнкиных найденышей, сомневаться в ее угрозах не приходилось, и Алёнка впадала в отчаяние. Она так привязалась к малышу, что уже не представляла себе жизни без него. Он был таким умненьким, ласковым и игривым, что Глазкова просто не понимала, как мама может оставаться к нему равнодушной, но тем не менее, сколько Алёнка не пыталась уговорить ее, та была непреклонна.

Помощь пришла совершенно неожиданно и откуда не ждали. Спустившись по просьбе матери за квитанцией к почтовому ящику, Алёна с удивлением обнаруживает письмо от Бори.

Глава 14

«Дорогая Маша! Пишет тебе дорогой Боря (спасибо, что не Анатолевич, а то мне показалось, еще чуть-чуть и ты начнешь меня по батюшке величать)))»

Не, я, конечно, не против быть дорогим, Манюнь, но, блин, напрягаюсь слегка) Кажется, будто щас бахнешь что-то хреновое)))»

Алёнка хмыкает.

– Да, Борис Анатолевич, это вам не Юсиком быть, – тянет она с веселой усмешкой.

Почему-то несмотря на то, что звоночек, по сути, тревожный и следовало бы пересмотреть форму обращения, Алёнка была довольна и определенно, ничего менять не собиралась. Как ни странно, ей нравилось, что хоть чуть-чуть, но Шувалов чувствует разницу. Однако, как оказалось, совсем не чуть- чуть.

«Как ты, малышка? Как рука, голова? Точно все в порядке? А то у меня чувство, что ты не слабо так ее стряхнула. Ты ходила на фильм с Джимом Керри? И тебе правда понравилось? Я ничего не путаю? И «Джим – кривляющийся придурак, – Керри бесподобен», и это лучшая комедия, которую ты видела? Детка, это точно ты?)))»

– Вот блин! Кажется, мы облажались, ушастик, – цокает

Алёнка языком и прикусывает губу от досады, но перечитав еще раз последний абзац, негодуяюще взрывается. – Нет, ну, это вообще уже ни в какие ворота! Джим Керри у нее, понимаешь ли, кривляющийся придурок. Что, блин?! Она вообще отъехавшая что ли?

Ушастик фыркает, словно говоря: «а ты сомневаешься?», и возвращается к своей резиновой косточке. Аленка же, подскочив с кровати, продолжает возмущаться, расхаживая туда-сюда.

– Кривляющийся придурок! Ну, надо же. А ничего, что он, на секундочку, комедийный актер?! Или Манюничке – великой критикессе и кидаловке всея Руси, – это ни о чем не говорит? Хотя, чего я спрашиваю, если она двух слов, не касающихся денег, не могла связать?!

Щенок устремляет на Алёнку взгляд исподлобья, и ей становится смешно, и в то же время неловко за эту неожиданную вспышку раздражения.

Надо же, сама не заметила, как вскипела. И с чего вдруг? – Ты прав, Ушастик, переборчик вышел, – посмеиваясь, удивляется Глазкова самой себе, но тут же находит оправдание. – Но эта девица такая бесячая. Мне даже начинает казаться, что Боре повезло, что она его бросила. Ну, правда! Дурища ведь невероятная.

Ушастик согласно виляет хвостом, и концентрирует все свое внимание на более важных вещах, чем какая-то, давно ушедшая в закат, Машка.

Алёна тем временем возвращается к письму, мысленно делая пометку, не принимать все так близко к сердцу. Вот только легко сказать...

«А если серьезно, Машуль, я рад, что ты дала ему шанс. Он – крутой актер и фильмы с ним отличные. Давай, как вернусь, посмотрим что-нибудь вместе? А то мы с тобой ни разу еще не торчали перед теликом с попкорном))) Как тебе идея?»

Идея Аленке очень даже нравится, перед мысленным взором вспыхивает романтическая картинка: темная комната, освещенная лишь светом от экрана телевизора. Они с Борей сидят на полу, прислонившись к дивану. Между ними коробка с попкорном, в которую они периодически ныряют руками, аккуратно соприкасаясь кончиками пальцев, отчего по телу пробегают электрические разряды, вызывая дрожь и томительно волнение. Однако, каждый из них сохраняет невозмутимость и делает вид, что увлечен фильмом. Они даже что-то обсуждают, и Алёнке, несмотря на колотящееся где-то в горле сердце, удастся звучать непринужденно и легко. Правда, ровно до того момента, как попкорн заканчивается, и Боря, убрав коробку, пододвигается вплотную. Алёнкина фантазия уже всю потирает ручки, предвкушая все самое интересное, но тут так некстати о себе напоминает здравый смысл. И снова становится неловко и смешно.

– Да уж, Алёна, кажется, с твоей головой действительно не все в порядке. Сама с собой разговариваешь, представляешь

себя на месте Машки, а дальше что?

Втянув с шумом воздух, Глазкова качает головой, снова признавая, что ввязалась во все это зря. Побочных эффектов с каждым разом выявлялось все больше. Теперь вот еще биполярка назревала.

Все-таки этот Олег Гладышев – гад. Придумал аферу, а сам свалил на свой Север и в ус не дуэт.

– Чтоб ты там жопу свою тощую отморозил! – бурчит Глазкова беззлобно и продолжает погружаться все больше и больше в Борю Шувалова.

Он рассказывает ей о том, что у него припасено еще куча идей. Удивляется, почему они раньше не сходили в те или иные места и не сделали кучу того, что обычно делают пары. Аленка тоже в недоумении, но потом вспоминает, что Миша рассказывал о работе на стройке и других подработках, дабы Машке сытно жилось, и вопросы отпадают.

«Мы обязательно все наверстаем, Машуль, ты только потерпи. Знаю, тебе очень тяжело. Я написал Михе, он на днях подкинет денег, так что не переживай. Передохни немного восстановись, заодно и работу получше найдешь. Если честно, вообще не ожидал, что ты так быстро устроишься. Надеялся, что хоть немного времени себе дашь. Все-таки сотрясение – это не шутки. Ты как вообще? Что врач говорит? Точно все нормально? Тебе вообще можно на работу-то? А то опять, поди, геройствуешь? Завязывай с этим, Маш! Не совсем уж безвыходное положение, на крайняк я

с матерью договорюсь. Она, конечно, будет не в восторге, но рано или поздно ей все равно придется смириться с моим выбором, так что пусть начинает привыкать.»

— А вот это интЭресно, — озадаченно тянет Алёнка. — Хотя стоит ли удивляться? Лучше удавиться, чем иметь такую невестку.

«В общем, Машуль, давай ишли лесом эту работу и этих придурков — заводчан. Миха еще на месяцок подкинет тебе денег, передохни пока. Нафига эти нервяки? Еще думать будешь, почему ты им не понравилась. Да потому что многие люди — скоты и им не нужны причины для враждебности и злости. Они, как боязливые животные готовы нападать первыми на себе подобных из страха, как бы кто-нибудь не оказался лучше них. Поэтому забей на этих ссыкунов, таким невозможно понравиться, с ними можно только скучковаться против кого-нибудь. Тебе оно надо?»

Думаю, нет, так что не забивай себе голову. В конце концов, зачем тебе они, когда у тебя есть я? И ты мне не просто нравишься, я тебя люблю, причем, с каждым днем все сильнее и сильнее.

Помни, я всегда с тобой и готов на все ради тебя. И если какие-то долбонаты не разглядели в тебе то, что разглядел в тебе я, то это их проблемы, но никак не твои.»

Задрожав от подступивших слез, Алёна откладывает письмо и изо всех сил пытается их сдержать. Оказывается, она очень нуждалась, чтобы кто-нибудь сказал ей нечто по-

добное, поддержал и позволил быть слабой, ибо она устала сохранять лицо перед родителями и одноклассниками, устала делать вид, что все в порядке, и ее ничуть не ранит такое положение вещей.

Ранит и еще как! Подрывая раз за разом уверенность в себе. Теперь же... не то, чтобы слова Бори что-то изменили и перевернули ее сознание. Нет, вовсе нет. Но она почувствовала, наконец, что больше не одинока, что у нее есть человек, которому она может честно рассказать о наболевшем и с которым, как ни странно, может быть в большей степени собой под чужим именем, нежели с родными под своим.

«Всё, закрыли тему. А теперь о насущном – о собаке. Если ты его еще не пристроила, то я тебе предлагаю такой вариант – отнести его к моим родителям. У нас Грета уже старушка, охранник с нее никакой, родаки подумывают взять щенка, поэтому твой барбос будет очень кстати, тем более, если он метис овчарки с лайкой. Нам, как раз, нужен большой пес. Вольер большой, им с Греттой будет комфортно, да и тебе не придется волноваться за него, родители позаботятся наилучшим образом. Матери я уже написал, объяснил ситуацию, так что не волнуйся, к твоему приходу она будет в курсе и не сомневайся, не откажет. Животных она любит, ради принципов не оставит щенка без крыши над головой. Короче, неси, Манюнь бабуле нашего сынулю)))) Заодно, может, начнете контакт налаживать. Ну, а если боишься, попроси Миху. И да, раз уж мы с тобой, наконец, сошлись на

том, что Джим Керри – хороший актер, почему бы не назвать твоего ушастика Джимом? Как в том стихе: «Дай, Джим, на счастье, лапу мне...» и че -то там дальше))) Как тебе?»

Как ей? Как обухом по голове.

Вот так сюрприз! И что теперь делать?

Аленка снова перечитывает последние строчки письма, и внутри у нее начинается мелко подрагивать от волнения. Когда она писала о проблеме с Ушастиком, она и подумать не могла, что, будучи за тысячу километров, Боря найдёт решение.

Сказать, что она обескуражена – не сказать ничего. Такая мобильность и восхищала, и радовала, и вызывала досаду.

Черт бы побрал эту необходимость притворяться! Как вот теперь быть?! Альтернатив-то не так уж много, а если совсем честно – никаких.

Ольга Андреевна в последние дни лютовала, и Алёнка даже подумывала отвезти щенка в приют, и навещать его по выходным, а тут такая удача.

Определённо, малышу будет лучше у Борькиных родителей. Но, что она им скажет, кем представиться? Видели ли они вообще Машку? А главное – почему у Борькиной матери такое негативное отношение к ней?

Нет, Скопичевская, конечно, не подарок, но одно дело, когда человек просто не нравится, а совсем другое, когда он его на дух не выносит.

Глазкова нутром чуяла, что-то тут не чисто. В конце концов, не спроста же Шувалов написал: «Животных она любит,

ради принципов не оставит щенка без крыши над головой». Каких- таких принципов и, что все это значит?

Вопросы, сплошные вопросы...

Разумнее всего было, конечно, «струсить» и подключить к делу Мишку, но Алёнка не могла не убедиться лично, что с Ушастиком будут хорошо обращаться, и «принципы» не перевесят человечность, а то ведь всяких людей хватает.

Понятно, что такой ответственный, заботливый парень, как Боря, не мог вырасти в жестокой, равнодушной семье, но Алёнка предпочитала полагаться на реальные факты, а не на домыслы. Однако, ей было страшно испортить их с Гладышевым план и чем-то выдать себя. И не столько даже из-за Лёшки, его давно уже оставили в покое и вряд ли стали бы снова напрягать, сколько из-за собственного равнодушия и, если быть до конца честной, нежелания терять только-только обретенного друга.

Как ни странно, но Аленка вдруг поняла, что и в самом деле прониклась, и ждет от Шувалова писем.

Глава 15

– Да-а уж, Ушастик, что ни день, то засада, – резюмирует она, откладывая письмо. Щенок, кинув на нее мимолетный взгляд, продолжает гоняться за собственным хвостом, будто говоря: «мне бы твои проблемы».

– Кстати, как тебе имя Джим? – поднявшись с кровати, спрашивает Аленка и, задумчиво взглянув на щенка, прикидывает. – Джим, Джим, Джим... По-моему, очень даже.

Не понимая, чего хозяйка так пристально на него смотрит, новоявленный Джим прекращает гоняться за хвостом и решает проверить обстановку. Подбегает к Алёнке и начинает прыгать вокруг неё, ласково покусывая ей руки, как бы уговаривая поиграть. Не в силах оставаться равнодушной, Алёна откликается на призыв, и они минут десять играют в догонялки.

– Ох, Джимми, – смеясь и тяжело дыша, падает Алёнка на кровать, обняв щенка, когда он в очередной раз ловит ее за штанину. – Похоже, завтра мы с тобой расстанемся.

Она грустно вздыхает, на что Джимми отвечает ещё большей порцией любви и ласки, вызывая у неё улыбку и слезы.

– Я очень хотела бы оставить тебя себе, милый, – шмыгая носом, признаётся она, – но это не моя квартира, а мама... ну, ты видел. Надеюсь, Борькина действительно любит жи-

вотных, и ты обретёшь, наконец, настоящий дом и хороших хозяев. Возможно, они разрешат, и мы сможем видеться. Это было бы замечательно, правда?

Алёнка снова тяжело вздыхает, зная, что не стоит слишком рассчитывать. Но, как говорится, чем черт не шутит.

На следующий день, стоя у забора из белого кирпича, Глазкова повторяет эту фразу раз за разом, не в силах решиться позвонить в звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.